

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

A movie poster for 'Era of Silence' (Эпоха тишины). The central figure is a man in a dark hoodie, seen from behind, standing on a rocky ledge. He is positioned between two contrasting worlds. To his left is a dark, futuristic cityscape with glowing blue lights and digital data streams. To his right is a peaceful, sunlit village with wooden houses and a lake, surrounded by trees and mountains. A bright, golden light beam descends from the sky, passing through the man and separating the two worlds. The overall mood is one of tension and choice.

ЭПОХА
ТИШИНЫ

Александр Иванов

Эпоха тишины

«Автор»

2026

Иванов А.

Эпоха тишины / А. Иванов — «Автор», 2026

Марк Ветров живёт в мире бесконечных уведомлений, токсичных соцсетей и эмоционального выгорания. Его работа — фильтровать грязь, которую производят нейросети. Его брак развалился. Сын растёт без него. Единственный собеседник — ИИ-ассистент. Однажды он соглашается протестировать новую технологию квантового погружения в исторические эпохи. Но что-то идёт не так. Вместо Древнего Рима Марк оказывается в лесу, которому не место на Земле его времени. Его телефон мёртв. Его часы не работают. Из леса выходят люди, которые не знают, что такое интернет. Он попал в мир, переживший катастрофу, о которой не расскажут в новостях. Здесь нет технологий. Здесь нет денег. Здесь ценят только присутствие. И здесь до сих пор работает нечто под землёй, в разрушенных дата-центрах. Нечто, что помнит всё. И ждёт. «Эпоха тишины» — это книга о том, что остаётся, когда выключить шум. О мире, который рухнул не от бомб. О любви без слов. О выборе, который невозможно отменить. И о вопросе, на который нет ответа.

© Иванов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

***	5
Предисловие	6
Часть I. Шум	7
Глава 1. Стекланный день	7
Глава 2. Фильтр	13
Глава 3. Приглашение	20
Глава 4. Падение	27
Часть II. Тишина	33
Глава 5. Уроки земли	33
Глава 6. Язык без слов	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Иванов Эпоха тишины

***

ЭПОХА ТИШИНЫ

Санкт-Петербург
2026

© А. В. Иванов, текст, 2026

Предисловие

Человек, рассказавший мне эту историю, не был писателем. Он плёл корзины. У него были грубые руки, и странная манера замолкать посреди фразы — не потому, что забыл слова, а потому, что слушал тишину между ними.

Он сказал: «Ты не поверишь, но я сам был другим. Я жил в мире, который гудел, как улей. А потом упал в мир, который молчал. И молчание оказалось громче».

Я записал его рассказ. Не чтобы предупредить или научить. Просто некоторые истории должны оставаться.

Часть I. Шум

Глава 1. Стекланный день

Пробуждение наступило не от солнца, а от вибрации часов.

Левая рука дрогнула первой, ещё до того, как мозг вышел из темноты. Часы на запястье мягко толкнули кожу: шесть тридцать, пора. Перевернувшись на спину, Марк открыл глаза. Потолок над кроватью уже светился — умный дом знал, что хозяин не любит темноту по утрам. Экран загружал прогноз погоды, повестку дня и три заголовка, отобранных алгоритмом на основе вчерашнего клика.

За окном шёл дождь. Третий день подряд, если верить иконке в углу потолочного дисплея — маленькая анимированная тучка проливала пиксельную воду. Окна в квартире не открывались, чтобы не нарушать климат-контроль, поэтому настоящего звука капель Марк не слышал уже несколько лет. Только пиксели. Только иконки.

Сев на кровати, он поморщился — позвоночник отозвался тупой болью. Вчерашний день прошёл в одиннадцатичасовом сидении перед экраном. Жалобы на контент, оскорбления, угрозы, дипфейки, порнография с участием несуществующих людей, фальшивые новости о выборах в стране, где Марк никогда не был. Весь этот поток проходил через его глаза и оседал где-то в районе затылка. На работе это называлось «фильтрацией». Начальник использовал термин «обеспечение безопасности цифровой среды». Лора, бывшая жена, формулировала иначе: «Ты сидишь и смотришь на мерзость, а потом приходишь домой пустой».

Часы завибрировали снова — теперь с напоминанием: «Принять душ. Через 20 минут — утренний брифинг». Смахнув уведомление, Марк встал. Подогрев пола включился автоматически, и ступни ощутили привычное тепло. В ванной его ждало зеркало с дисплеем: пока он чистил зубы, на поверхности всплывали курс акций, уровень стресса, измеренный по микровыражениям лица, и короткое видео от коллеги с просьбой проверить какой-то кейс. Сплюнув пасту, Марк кивнул зеркалу — жест, который система распознавала как «открыть задачу». В списке дел стало на один пункт больше.

Завтрак давно превратился в формальность. Сначала не хватало времени, потом желудок привык, а теперь еда просто перестала приносить удовольствие. Питательный коктейль в серых пакетах с логотипом «Soylent» привозили раз в неделю. Сегодняшний был ванильным. Или безвкусным — разница давно стёрлась.

Работа началась в семь.

Ноутбук открылся сам, узнав лицо хозяина. На экране развернулась панель с тремя колонками, в каждой — бесконечная лента контента, ожидающего проверки. Слева — жалобы пользователей, помеченные красным. В центре — материалы, отфильтрованные первичным ИИ, но требующие человеческого подтверждения. Справа — откровенно запрещённое, то, что следовало не проверять, а сразу удалять, отправляя отчёт модераторам.

В левой колонке обнаружилось нечто новое — видео. Щелчок по кнопке воспроизведения вывел на экран мужчину лет шестидесяти в плохо освещённой комнате. Ровным, безэмоциональным голосом он рассказывал о гибели дочери в автокатастрофе и утверждал, что аварию подстроило правительство. В доказательство показывал схемы, документы, фотографии. Голос не дрожал, и именно это пугало сильнее всего — не безумный бред, а спокойная, почти рациональная убеждённость человека, который построил внутри себя целый мир и теперь жил в нём безвылазно.

Палец нажал «отклонить». Потом ещё раз. И ещё. Видео исчезло из очереди, но не из головы.

К полудню Марк обработал сорок три жалобы. В час пришло уведомление: «Обед. Рекомендация: выйти на улицу. Уровень витамина D ниже нормы». Он отключил напоминание и остался за столом. В два начался брифинг с командой — двенадцать человек в разных часовых поясах, каждый в своём квадратике на экране. Обсуждали новую политику модерации: кто-то предлагал ужесточить фильтры, кто-то говорил о свободе слова. Слова влетали в одно ухо и растворялись без следа, не вызывая ни согласия, ни протеста. В какой-то момент Марк поймал себя на том, что разглядывает не коллег, а их фон — книжную полку у одного, растение у другого, просто пустую стену у третьего. Люди становились фоном, а фон — людьми.

— Ветров, ты с нами? — Радж, квадратик которого висел в верхнем ряду, заметил его отсутствующий взгляд.

— Да. Свобода слова. Важно.

Радж усмехнулся. Четыре года совместной работы — и ни одной встречи вживую. Коллега сидел в Бангалоре, и его лицо всегда оставалось чуть размытым из-за плохого интернета.

После брифинга пришло время личной почты. Три письма. Первое — от бывшей жены: короткое, сухое, про налоговый вычет за прошлый год. Второе — от стоматологической клиники с напоминанием о записи, которую Марк переносил уже дважды. Третье — от сервиса «Хронос» с пометкой «Вы оставляли заявку». Курсор завис над последним, но в правой колонке загорелся красный индикатор срочной жалобы, и письмо осталось непрочитанным.

Вечер наступил незаметно. За окном потемнело — иконка тучи сменилась иконкой полумесяца. Потянувшись до хруста в плечах, Марк заметил, что провёл в сидячем положении двенадцать часов семнадцать минут. Часы порекомендовали прогулку, он отмахнулся и вместо прогулки открыл социальную сеть. Просто потому что привык. Лента полилась бесконечным потоком — новости, мемы, фотографии людей, которых Марк едва знал, гневные споры о вещах, забытых через неделю. Пятнадцать минут, двадцать, сорок — палец двигался вверх, вверх, вверх, а сознание давно отключилось. Очнувшись от этого гипноза, он заблокировал телефон, через минуту разблокировал снова и лишь потом заставил себя отложить устройство в сторону.

На кухне загудел холодильник, напоминая о необходимости заказать продукты. Приложение доставки услужливо подсунуло список рекомендаций: авокадо, киноа, миндальное молоко. Всё отправилось в корзину не глядя — завтра привезут.

К одиннадцати Марк лежал в постели. Потолок погас, оставив только слабый ночник. Тишина не наступала: гудел холодильник, гудел климат-контроль, вибрировали часы на запястье, измеряя пульс, что-то щёлкало в стене — не то трубы, не то соседи. Полной тишины не существовало в этой квартире уже много лет, и вспомнить, когда она звучала в последний раз, не получалось.

Приложение для медитации — самое популярное, с четырьмя миллионами скачиваний — услужливо предложило женский голос: «Закройте глаза. Сделайте глубокий вдох. Почувствуйте, как воздух наполняет ваши лёгкие...» Тело пыталось расслабиться, но в голову лезли обрывки дня: видео из плохо освещённой комнаты, брифинг, письмо от бывшей жены, налоги, красный индикатор, непрочитанное сообщение от «Хроноса»...

— Достаточно, — произнеслось в пустоту, и медитация выключилась.

Тишина — насколько она вообще была возможна — сомкнулась вокруг. Сон пришёл не сразу, но пришёл. Лицо спящего оставалось не спокойным, а скорее отсутствующим — как у человека, который даже в бессознательном состоянии продолжает ждать уведомлений. Среди ночи телефон выскользнул из ослабевших пальцев и упал на пол. Экран погас. На несколько секунд, пока умный дом не зафиксировал движение и не включил ночник снова, комната погрузилась в кромешную тьму и полную тишину. Но спящий этого не заметил.

Утро вторника началось точно так же — с вибрации часов. Открыв глаза, Марк увидел светящийся потолок с неизменным прогнозом дождя, повесткой дня и тремя заголовками, обещающими кризис, скандал и сенсацию. Душ под комментарии зеркала, коктейль, работа.

В левой колонке ждало продолжение вчерашней истории — тот же мужчина, теперь уже с группой сторонников. Коллективное обращение с требованием расследования, угрозами журналистам, перечислением имён. Обычные лица, какие встречаешь в метро или в очереди за кофе, без явной патологии. Просто люди, однажды поверившие в ложь, которая стала для них реальнее реальности.

Палец привычно нажал «отклонить», но где-то на границе сознания шевельнулась неудобная мысль: чем он сам отличается от них? Лента, рекомендации, персональная правда, построенная алгоритмами, — кто поручится, что его картина мира вернее, чем их? Мысль пришлось отогнать — неудобные идеи мешали работать.

В полдень позвонила мать. Имя на экране вызвало секундное колебание — брать или не брать? Отношения давно стали никакими: не плохими, не хорошими, просто поддерживаемыми по инерции. Она жила во Флориде, Марк — в Нью-Йорке, за последние пять лет они виделись дважды. Телефонные разговоры сводились к обмену фактами — погода, здоровье, работа, ритуальное «у тебя всё хорошо?» и такое же ритуальное «да».

— Привет, мам.

— Марк, ты какой-то уставший. Я по голосу слышу.

— Только что с брифинга. Много работы.

— Ты всегда много работаешь. Ты ешь нормально?

— Ем.

— А с Лорой вы не...

— Мам, мы развелись три года назад. Она живёт в Чикаго. Всё.

В трубке повисла пауза, наполненная знакомым печальным вздохом — мать всегда так вздыхала, когда реальность не совпадала с её ожиданиями. Потом она спросила про Рождество и индейку, как раньше, и Марк ответил «может быть», точно зная, что не приедет.

После разговора он долго сидел неподвижно, глядя на телефон, положенный экраном вниз. В груди сжималось что-то смутное — не то вина, не то тоска. За годы фильтрации контента Марк научился распознавать сотни оттенков лжи в чужих лицах, но собственные эмоции различал с трудом. Внутренний фильтр, отсеивающий спам, заодно отсеял что-то важное, чему не находилось названия.

Красный индикатор мигал, требуя внимания. Работа возвращала к себе.

Письмо от «Хроноса» всплыло вечером. Разбирая почту, Марк наткнулся на непрочитанное сообщение и кликнул по привычке. Текст оказался коротким и деловым: «Уважаемый господин Ветров, ваша заявка на тестирование одобрена. Приглашаем вас посетить лабораторию в удобное для вас время. С уважением, команда "Хронос"».

Перечитав дважды, он попытался вспомнить, когда подавал заявку. В памяти всплыла глубокая ночь месячной давности: бессонница, бесконечный скроллинг рекламы, статья про стартап, обещавший революцию в исторической реконструкции. Квантовые технологии, полное погружение, «прикоснитесь к прошлому». Тогда палец нажал «записаться» просто чтобы закрыть вкладку и забыть. Но в «Хроносе» не забыли.

Сайт открылся минималистичным тёмным фоном с белым шрифтом и фотографиями людей в странных креслах под матовыми полусферами. «Вы не смотрите на прошлое. Вы находитесь в нём», — гласил заголовок. Никаких шлемов, никаких очков, никакой виртуальной реальности. Марк усмехнулся — звучало как реклама очередного стартапа, который закроется через год, — но фраза зацепилась. «Вы находитесь в нём». А где, если честно, находится он

сам? В собственной жизни или в симуляции собственной жизни? Квартира, одиннадцать часов перед экраном, серые пакеты с коктейлем, зеркало, сообщающее уровень стресса без единого вопроса о его причине.

Палец нажал «Подтвердить запись», и на экране появилась форма: дата, время, эпоха. Ближайший четверг, девять утра. В графе «эпоха» после короткого колебания появилось: «Древний Рим. I век н. э. Колизей».

Зачем? В детстве у Марка была книга про гладиаторов — старая, с цветными иллюстрациями, подарок отца незадолго до его смерти. Семилетний мальчик часами разглядывал рисунки: песок арены, блестящие шлемы, поднятый вверх большой палец императора. Тогда всё казалось понятным: победители и побеждённые, слава и смерть, чёткий выбор без бесконечной серой полосы компромиссов.

Система ответила мгновенно: «Спасибо. Ждём вас в четверг». Ноутбук закрылся. За окном уже темнело — иконка полумесяца сменилась иконкой звезды. На кухне холодильник услужливо открыл дверцу, подсветив ровные ряды серых пакетов, минеральную воду и что-то в вакуумной упаковке без опознавательных знаков. Пакет с коктейлем был пробит трубочкой, и Марк стал пить, глядя в пустую стену.

Когда Лора ушла, она забрала картины — сказала, что покупала их сама и они ей дороги. Спорить не хотелось. Какая разница, что висит на стенах, если ты никогда на них не смотришь. Коктейль закончился, пакет отправился в мусор, тело переместилось в спальню. Часы напомнили: «До сна рекомендовано 30 минут без экранов». Сняв часы и положив на тумбочку, Марк взял телефон и открыл ленту, чтобы скроллить до полуночи, пока глаза не начали слезиться от яркости.

Среда прошла как вторник. Работа, брифинг, фильтрация. В левой колонке появился дипфейк с известным политиком — чужое лицо, наложенное на чужое тело, слова, которых человек никогда не произносил, действия, которых никогда не совершал. Качество было настолько высоким, что даже профессиональный взгляд не сразу заметил подделку — только подсвеченные алгоритмом артефакты сжатия выдали фейк. Отклонив видео и отправив отчёт в службу безопасности, Марк написал коллегам: «Обратите внимание: новый уровень дипфейков. Алгоритм не справляется. Нужен человеческий фактор». Ответ от Раджа пришёл мгновенно: «Человеческий фактор — это мы с тобой. А кто проверит нас?»

Ответа не последовало — вопрос был риторическим и слишком неприятным.

Вечером пришлось позвонить Лоре насчёт налоговой декларации за тот год, когда они ещё числились в браке. Трубку взяли после третьего гудка. Голос бывшей жены звучал уставшим, но спокойным.

— Привет. Ты по поводу декларации?

— Да. Прислала форму?

— Пришлю завтра. Извини, сегодня не успела — у Тима был утренник в саду.

Тим. Сын. В груди снова сжался тот самый комок, которому Марк не мог подобрать названия. Тим родился через два года после свадьбы, когда ещё теплилась вера в способность стать нормальным отцом. Получилось не очень: работа поглощала всё, Лора занималась ребёнком, потом они развелись, и мальчик остался с матерью. Свидания случались раз в месяц, иногда реже, и каждое сопровождалось обещанием приезжать чаще, которое неизменно нарушалось.

— Как он? — спросил Марк.

— Нормально. Спрашивал, когда папа приедет.

— Я приеду. На выходных. Может быть.

— Марк, ты говоришь это каждый раз.

В голосе Лоры не было злости — только старая, знакомая усталость от его обещаний. Слова оправдания застряли в горле, так и не вырвавшись наружу. Попрошавшись, Марк положил телефон и долго смотрел в стену, где когда-то висели картины. В тот вечер он не стал включать медитацию — просто лёг в темноте под аккомпанемент гудящего климат-контроля.

Четверг наступил быстро — дни давно слились в один неразличимый поток. В восемь утра Марк вышел из дома. Улица встретила запахом выхлопных газов и влажного асфальта. Дождь прекратился, но небо оставалось серым и низким, будто город накрыли крышкой. За четыре дня в квартире он отвык от дневного света и теперь щурился, нашаривая в кармане солнцезащитные очки. Солнца не было, но очки он надел — просто по привычке.

В вагоне метро люди стояли плечом к плечу, каждый уткнувшись в свой телефон. Марк тоже достал телефон. Лента обновилась теми же заголовками, теми же спорами, теми же мемами. Скролля этот бесконечный поток, он вдруг подумал, что за десять лет пользования приложением не запомнил ни одного поста. Десятки тысяч изображений, миллионы слов — и ничего. Вода, текущая сквозь пальцы.

Лаборатория «Хронос» обнаружилась в промзоне на окраине — сорок минут поездом, потом пятнадцать пешком мимо складов, автосервисов и бетонных заборов, разрисованных граффити. Навигатор пищал: «Через двести метров поверните направо». За поворотом открылось неожиданно современное здание — стекло, сталь, никакой вывески, только номер дома и маленькая табличка: «Хронос. Исторические технологии».

Внутри пахло стерильностью, как в больнице или дорогом спа-салоне. Девушка на ресепшене с идеальной укладкой улыбнулась ровно настолько, насколько требовал протокол гостеприимства.

— Господин Ветров? Пройдите в зону ожидания. Доктор Штерн сейчас вас примет.

В белом кресле зоны ожидания стояла непривычная тишина — только едва слышный гул вентиляции. На столике лежал бумажный журнал, что само по себе было редкостью. Марк пролистал его бездумно, разглядывая картинки. Пальцы привычно потянулись к карману за телефоном, но он остановил себя — здесь, в этой стерильной тишине, скроллить ленту казалось почти неприличным.

— Господин Ветров.

Подняв голову, Марк увидел женщину лет пятидесяти с короткой стрижкой и цепкими глазами, смотревшими оценивающе — не как на пациента, а как на уравнение, требующее решения.

— Доктор Штерн, — представилась она, садясь напротив и кладя на стол планшет. — Вы понимаете, на что подписались?

— Не совсем.

— Хорошо. Потому что никто не понимает. «Хронос» — это не виртуальная реальность. Мы не надеваем на вас шлем и не показываем картинки. Мы используем квантовую реконструкцию — восстанавливаем прошлое на субатомном уровне и помещаем в него ваше сознание. Физически вы останетесь здесь, но всё, что увидите, услышите, пощупаете, понюхаете, будет реальным. Настолько реальным, насколько это вообще возможно.

— А если что-то пойдёт не так?

Сухая улыбка тронула её губы.

— Ничего не пойдёт не так. Система протестирована. Но полной гарантии мы не даём — вы подписали согласие.

Марк кивнул, хотя согласия не читал.

— Эпоха?

— Древний Рим. Колизей. Первый век.

— Популярный выбор. Причина?

На мгновение захотелось сказать правду: «Потому что там всё просто. Гладиаторы, толпа, смерть или слава. Никаких налоговых вычетов, никакой модерации контента, никакой серой пустоты». Но вслух прозвучало другое:

— Хочу потрогать камни.

Доктор Штерн посмотрела внимательнее прежнего, и на секунду Марку показалось, что она видит его насквозь — всю усталость, всю пустоту, старательно замаскированную под занятость. Однако она ничего не сказала, только кивнула и поднялась.

— Пройдёмте в зал подготовки.

Зал оказался круглой комнатой без окон. В центре возвышалось массивное кресло с подголовником и десятком проводов, уходящих в пол, а над ним нависала полусфера из матового стекла. Медсестра — Марк не заметил, когда она вошла, — закрепила датчики на висках и запястьях. В сгиб локтя кольнула игла, и по вене разлилось тепло, унося тревогу, которую он даже не осознавал.

— Готовы? — донёсся откуда-то сбоку голос доктора Штерн.

— Готов.

— Тогда начинаем. Приятного путешествия.

Полусфера засветилась мягким, тёплым светом. Воздух вокруг сгустился, стал плотным, почти осязаемым. В ушах зазвенело — тонко, высоко, как перед грозой. А потом мир исчез — не падение, не полёт, а полное отсутствие всего. На одно бесконечное мгновение не осталось ни тела, ни мыслей, ни времени. Только пустота и крошечная точка света где-то в её центре.

Глава 2. Фильтр

Точка света росла.

Сначала она была размером с булавоочную головку — крошечный прокол в абсолютной черноте. Затем раздалась вширь, набрала плотность, обрела цвет. Не белый — скорее, желтоватый, как старые страницы или восковая свеча. Марк почувствовал, как что-то тянет его к этой точке — не физически, потому что физического тела больше не существовало, а как-то иначе, глубже, словно сама его сущность стремилась заполнить пустоту.

Он не знал, сколько это длилось. Секунду. Час. Год. В отсутствии тела время переставало иметь значение, и это было самым странным ощущением из всех, что ему доводилось испытывать. В обычной жизни минуты отмерялись часами на запястье, уведомлениями, брифингами, делайнами. Здесь не было ничего — только свет и движение к нему.

А потом свет ударил в глаза.

Марк зажмурился, вскинул руку, закрывая лицо, и почувствовал, как ладонь упёрлась во что-то твёрдое. Потолок. Белый, матовый, с тонкой полоской светодиода по периметру. Тот самый потолок, который он видел каждое утро последние пять лет. Умный дом приветственно мигнул и вывел на поверхность привычную заставку: прогноз погоды, повестка дня, три заголовка.

Он был дома.

В спальне. В своей постели. В Нью-Йорке.

Несколько секунд Марк просто лежал, пытаясь осознать произошедшее. Голова гудела, как после долгого перелёта, во рту стоял металлический привкус, а перед глазами всё ещё плавали остаточные образы — не то лаборатории «Хроноса», не то чего-то ещё, более древнего и тёмного, что он не успел разглядеть. Он помнил кресло, полусферу, голос доктора Штерн, а потом — провал. И вот теперь он здесь. Дома.

Неужели всё закончилось, не успев начаться?

Часы на запястье завибрировали, сообщая время: семь сорок три. Четверг. Та же дата, что и в день визита в лабораторию. Прошло меньше часа с того момента, как он вошёл в здание «Хроноса» — если верить показаниям, сеанс продлился всего ничего, и вот его, по-видимому, вернули обратно. Может, система дала сбой. Может, квантовая реконструкция не сработала. Может, доктор Штерн прямо сейчас набирает его номер, чтобы извиниться и предложить повторную попытку.

Марк сел на кровати и потянулся к телефону.

Экран загорелся. Никаких пропущенных вызовов. Никаких сообщений от «Хроноса». Только стандартный набор уведомлений: почта, мессенджеры, напоминание оплатить счёт за электричество, новостная сводка. Мир продолжал работать в прежнем режиме, как будто ничего не случилось.

Странно.

Он встал, прошёл на кухню, машинально пробил трубочкой пакет с коктейлем и остановился у окна. Дождь всё ещё шёл — мелкий, серый, почти невидимый, но упорный. Капли стекали по стеклу, оставляя извилистые дорожки, и в их движении было что-то гипнотическое. Марк поймал себя на том, что смотрит на них дольше обычного — не просто скользит взглядом, а именно смотрит, замечая, как каждая капля выбирает свой путь, как они сливаются, ускоряются, исчезают внизу. Когда в последний раз он просто смотрел на дождь? Не на иконку дождя, не на прогноз, а на сам дождь? Ответ не приходил.

Коктейль кончился. Трубочка захлопала о дно пакета. Марк выбросил пакет в мусорное ведро, которое услужливо открыло крышку, и вернулся к ноутбуку. Работа не ждала.

Но что-то изменилось.

Незначительно, почти незаметно — как будто кто-то сдвинул картину на стене на пару миллиметров, и глаз ещё не видит разницы, но уже чувствует непорядок. Марк открыл панель фильтрации, пробежался по жалобам, отклонил десяток оскорбительных комментариев, поместил фейковый аккаунт для блокировки — и всё это время в затылке зудела мысль, которую он никак не мог поймать за хвост. Что-то связанное с лабораторией. С точкой света. С ощущением падения, которого не было.

В десять утра позвонил Радж.

— Слушай, ты вчерашний кейс с дипфейком закрыл? А то у нас тут эскалация — этот же фейк всплыл в трёх других сегментах, народ паникует, безопасники требуют отчёт.

— Закрыл, — ответил Марк. — Отправил вчера вечером.

— Точно? Я в логах не вижу.

Марк открыл историю действий и уставился на экран. Отчёт, который он точно помнил отправленным, отсутствовал. Не было ни черновика, ни подтверждения, ни следа в системе. Последняя запись датировалась средой, десятью часами вечера.

— Странно, — пробормотал он. — Я был уверен...

— Ладно, пришли сейчас, — перебил Радж. — Только быстро, а то меня тут уже трясут.

Вызов оборвался. Марк переслал отчёт заново, но осадок остался. Он прекрасно помнил, как нажимал «отправить» — это было вчера, сразу после того, как он написал коллегам про новый уровень дипфейков. Помнил даже, что подумал тогда: «Ещё один день, ещё одна тонна мусора». Но система утверждала обратное. Либо он забыл, либо...

Либо что?

День покатился дальше по накатанной колее. В полдень — совещание с отделом модерации, в час — ланч (коктейль, серый пакет, безвкусный), в три — ещё один брифинг, на этот раз с юристами. Марк сидел перед экраном, кивал в нужных местах, задавал дежурные вопросы и чувствовал, как внутри нарастает странное, незнакомое беспокойство. Не тревога — тревога была привычной, почти родной, постоянным фоном его жизни. Нет, что-то другое. Ощущение несоответствия. Как будто он носил очки не по рецепту, и мир слегка расплывался по краям.

В пять вечера он не выдержал и позвонил в «Хронос».

Телефонный номер лаборатории хранился в истории звонков — он и не подозревал, что система автоматически сохраняет все контакты. Гудки шли долго, секунд двадцать, и Марк уже собирался сбросить, когда на том конце щёлкнуло, и приятный женский голос произнёс:

— «Хронос», лаборатория исторических технологий. Чем могу помочь?

— Это Марк Ветров. Я был у вас сегодня утром. На тестировании.

Пауза. Затем — звук клавиш, быстрый, профессиональный.

— Да, господин Ветров, вижу вашу запись. Сеанс завершён в девять сорок семь. Система отработала в штатном режиме. У вас есть вопросы?

— В штатном? — переспросил Марк. — Я ничего не помню. Вообще ничего. Только начало процедуры, а потом — темнота. И через час я уже был дома. Это нормально?

Ещё одна пауза, на этот раз длиннее.

— Господин Ветров, согласно протоколу, субъективное время сеанса составляет до двенадцати часов. Вы должны были провести в реконструкции как минимум несколько часов. То, что вы описываете, не является типичным. Я передам информацию доктору Штерн, она свяжется с вами.

— Когда?

— В ближайшее время.

Щелчок. Короткие гудки. Марк положил телефон и уставился в стену, где когда-то висели картины Лоры. «Не является типичным». Что это значит? Что пошло не так? И почему он ничего не помнит?

Ответы не приходили, а работа требовала внимания. Он вернулся к экрану, но сосредоточиться уже не мог. Мысли разбегались, как муравьи из разорённого муравейника. В левой колонке мелькали жалобы — оскорбления, угрозы, дипфейки, — но сегодня они почему-то задевали сильнее обычного. Не то чтобы Марк стал более чувствительным; скорее, у него кончился защитный слой. Тот самый, который нарастал годами, позволяя просматривать сотни единиц токсичного контента в день и не сходить с ума. Сегодня слой истончился. Каждое оскорбление царапало, каждая угроза отдавалась в висках, каждый фейк вызывал не профессиональный интерес, а глухое отвращение.

В семь вечера он впервые за долгое время сам, без напоминания часов, встал из-за стола и вышел на улицу.

Дождь кончился. Воздух был влажным и холодным, пах мокрым асфальтом и выхлопными газами. Марк стоял у подъезда, сунув руки в карманы куртки, и смотрел на проезжающие машины. Люди шли мимо — одни спешили, другие, наоборот, прогуливались, третьи сидели на скамейке с телефонами в руках. Обычный вечер в Бруклине. Ничего особенного.

И всё же что-то было не так.

Он не сразу понял, что именно. А когда понял — удивился. Дело было в звуках. Точнее, в их количестве. Город гудел: двигатели, сигналы, музыка из чьих-то наушников, обрывки разговоров, гул вентиляции из соседнего ресторана, скрип тормозов, лай собаки, детский крик, вертолёт где-то вдалеке. Миллион звуков, наслаивающихся друг на друга, создающих плотную, почти осязаемую стену шума, к которой Марк привык настолько, что перестал её замечать. Но сегодня — именно сегодня — стена дала трещину, и сквозь неё пробилось что-то похожее на воспоминание.

Тишина.

Он вспомнил — нет, не вспомнил, скорее ощутил, — что где-то там, в провале между лабораторным креслом и пробуждением дома, была тишина. Не просто отсутствие звуков, а нечто большее: глубокая, всеобъемлющая, почти священная тишина, какой он не испытывал никогда в жизни. Она длилась долю секунды и оставила после себя странное послевкусие — как будто Марк прикоснулся к чему-то огромному и тут же забыл об этом.

Он потряс головой, отгоняя наваждение. Глупости. Не было никакой тишины. Был технический сбой, короткое замыкание, и вот он здесь, на улице, слушает шум Нью-Йорка. Всё в порядке.

Но внутри что-то продолжало зудеть.

Вечером он позвонил Лоре. Не из-за налогов — просто так. Рука сама набрала номер, прежде чем мозг успел придумать причину. Она ответила после второго гудка.

— Марк? Что-то случилось?

— Ничего. Просто... хотел узнать, как у тебя дела.

Пауза. Лора явно не ожидала такого поворота. В их после разводном общении не было места для «просто узнать, как дела». Были налоги, были документы, были редкие обсуждения Тима — всегда по делу, всегда коротко. А теперь он звонил без повода, и это сбивало её с толку.

— Дела нормально, — ответила она осторожно. — Работа, дом, Тим. Всё как всегда. А у тебя?

— Тоже нормально. — Марк помолчал, подбирая слова. — Слушай, я сегодня был в одном месте. Лаборатория, называется «Хронос». Они делают исторические реконструкции. Полное погружение.

— И как?

— Не знаю. Кажется, что-то пошло не так. Я ничего не помню.

Лора хмыкнула. В этом звуке не было насмешки — скорее, узнавание. Так она реагировала на его рассказы о работе, когда они ещё жили вместе: сдержанно, но с ноткой понимания.

— Знаешь, — сказала она, — когда мы разводились, ты говорил, что устал. Что тебе нужно время, чтобы разобраться в себе. Прошло три года, Марк. Ты разобрался?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и неудобный. Марк не нашёлся с ответом. Он открыл рот, закрыл, снова открыл — и понял, что сказать нечего. Нет, он не разобрался. Он просто продолжал жить — работать, есть, спать, скроллить ленту, — не задавая себе лишних вопросов.

— Я не знаю, — честно сказал он наконец.

— Вот именно. — Голос Лоры смягчился. — Может, эта твоя лаборатория — не самое плохое, что с тобой случилось. Может, тебе нужно было забыть что-то, чтобы вспомнить другое.

— Ты говоришь как из мотивационной книжки.

— А ты живёшь как робот. Кто из нас хуже?

Она попрощалась первой — Тим звал её из соседней комнаты, пора было укладывать его спать. Марк остался сидеть с телефоном в руке, чувствуя, как в груди ворочается что-то тяжёлое. Разговор не принёс облегчения, но и не добавил боли. Скорее, он подтвердил то, что Марк и так знал: его жизнь стала пустой. Не плохой — пустой. Он существовал, функционировал, выполнял задачи, но не жил. И это открытие, хотя и не было новым, сегодня почему-то ранило сильнее обычного.

Спать он лёг рано, в десять. Без медитации, без скроллинга, без телефона в руке — просто выключил свет и закрыл глаза. И впервые за долгое время ему приснился сон.

Сон был странным. Марк стоял на арене Колизея — огромной, залитой солнцем, окружённой тысячами невидимых зрителей, чей гул сливался в сплошной, вибрирующий рёв. Песок под ногами был жёлтым и мелким, почти как пыль, и в нём что-то темнело — не то пятна крови, не то просто тени. Напротив стоял человек. Не гладиатор, не римлянин — просто фигура, размытая по краям, сотканная из света и воздуха. Лица не было видно, но Марк чувствовал, что фигура смотрит на него — пристально, не мигая, чего-то ожидая.

Вокруг шумела толпа, но слов было не разобрать. Марк попытался заговорить, спросить, где он находится и что происходит, но голос пропал. Губы двигались впустую. Фигура молчала и продолжала смотреть.

А потом арена исчезла. Песок, небо, Колизей — всё схлопнулось в одну точку, ту самую точку света, которую он видел в лаборатории, и Марк проснулся.

За окном было темно. Часы показывали три сорок две. Сердце колотилось, простыня промокла от пота, а в голове звучал отголосок сна — не образ, не звук, а ощущение. Ощущение, что фигура на арене была не чужой. Она была знакомой. И она чего-то ждала.

До утра Марк больше не уснул.

Пятница началась с головной боли — глухой, пульсирующей, как после бессонной ночи. Зеркало в ванной услужливо сообщило, что уровень стресса «повышенный», и порекомендовало дыхательные упражнения. Марк проигнорировал рекомендацию, принял душ, выпил коктейль и сел за работу.

Фильтрация шла тяжело. Каждый кейс требовал вдвое больше времени, чем обычно. Оскорбления липли к глазам, дипфейки вызывали не профессиональный интерес, а тошноту, а бесконечные жалобы пользователей друг на друга напоминали сводки с фронта. Война всех против всех — вот чем была его работа. Невидимая война, которую вели обычные люди, сидя

в своих квартирах и офисах, выплёскивая в сеть яд, накопившийся за день. Марк был санитаром на этой войне — подбирал раненых, выносил мёртвых, зачищал территорию. Но война не кончалась. Поток не иссякал.

В десять утра позвонила доктор Штерн.

— Господин Ветров, — начала она без предисловий, — я изучила ваш случай. Это необычно.

— Что именно?

— Система зафиксировала полный цикл реконструкции. Субъективное время сеанса составило одиннадцать часов сорок три минуты. Вы должны были прожить в симуляции почти полдня. Но ваше сознание... — она сделала паузу, подбирая термин, — не сохранило воспоминаний. Это похоже на ретроградную амнезию, вызванную квантовой интерференцией. Теоретически возможно, хотя на практике мы с таким не сталкивались.

— И что это значит?

— Это значит, что опыт был. Вы его прожили. Где-то в вашей памяти он существует, но доступа к нему нет. Как книга, которую поставили на полку и забыли, где именно. Мы можем предложить повторный сеанс — иногда это помогает восстановить утраченные воспоминания. Или можем провести диагностику.

Марк задумался. Предложение звучало разумно, но что-то внутри сопротивлялось. Не страх — скорее, предчувствие. Ощущение, что повторный сеанс не вернёт воспоминания, а создаст новые, и эти новые будут ещё более странными.

— Я подумаю, — сказал он.

— Думайте, — ответила доктор Штерн. — Но не слишком долго. Квантовые следы имеют свойство стираться. Через неделю мы уже ничего не восстановим.

Она повесила трубку, оставив Марка наедине с выбором, которого он не просил.

В обеденный перерыв, вместо того чтобы остаться за столом, Марк вышел на улицу. Погода наладилась — сквозь тучи пробилось солнце, робкое, почти зимнее, но всё-таки солнце. Он купил кофе в уличном ларьке — настоящий кофе, а не коктейль, — и сел на скамейку в крошечном сквере между двумя офисными зданиями. Вокруг росли чахлые деревья, высаженные по генплану и забытые сразу после посадки, но даже они сейчас выглядели почти приветливо.

Рядом на скамейку опустился старик в потрёпанном пальто. Он был из тех людей, которых в больших городах предпочитают не замечать: неопрятный, с обветренным лицом и руками, покрытыми старческими пятнами. В руках старик держал бумажный стаканчик с чаем и смотрел прямо перед собой, не на телефон, не на часы — просто вперёд, на деревья и небо.

— Хороший день, — сказал он негромко, ни к кому конкретно не обращаясь.

Марк машинально кивнул, потом, спохватившись, ответил:

— Да. Солнце наконец вышло.

— Три дня дождь шёл. — Старик отхлебнул чай. — Я считаю. Всегда считаю. Люди перестали считать дни, а зря. Дни — это всё, что у нас есть.

Марк хотел ответить что-то вежливое и отделаться, но старик продолжил:

— Раньше я работал в библиотеке. Тридцать два года. Книги, журналы, газеты. Знаете, что я понял? Раньше люди оставляли следы. Письма, дневники, фотографии на бумаге. А теперь — что? Телефоны, облака, пароли. Умрёшь — и ничего не останется. Даже фотографий. Всё в телефоне, а телефон не откроешь.

Он говорил спокойно, без жалобы, просто констатируя факт, и от этого его слова звучали особенно весомо. Марк вдруг подумал о том, что у него самого нет ни одной напечатанной фотографии Тима. Тысячи снимков в телефоне, гигабайты в облаке, но если всё это исчезнет — что останется? Ничего. Пустота.

— Вы правы, — сказал он. — Мы ничего не оставляем.

— А вы попробуйте, — старик повернулся к нему и улыбнулся, обнажив неровные зубы. — Купите блокнот. Напишите что-нибудь. Руками. Это совсем другое, чем пальцем по экрану.

Он допил чай, смял стаканчик и бросил в урну. Потом встал и пошёл по аллее, чуть прихрамывая, не оглядываясь. Марк смотрел ему вслед и думал, что за последние десять лет это был самый длинный разговор с незнакомцем. И самый осмысленный.

Вечером он зашёл в канцелярский магазин у метро и купил блокнот. Простой, в клетку, с картонной обложкой. И ручку. Обычную шариковую ручку за доллар девяносто девять. Дома он сел за стол, открыл первую страницу и замер. Что писать? Кому? Он не вёл дневников с подросткового возраста и не писал писем с тех пор, как умерла бабушка — единственный человек, который отказывался переходить на электронную почту.

Ручка повисла над бумагой. Прошла минута, вторая, третья. Потом Марк написал:

«Сегодня я говорил со стариком в парке. Он сказал, что дни — это всё, что у нас есть. Я никогда об этом не думал. Я просто проживал дни, как будто они бесконечны. Может быть, они не бесконечны. Может быть, я трачу их впустую».

Он перечитал написанное. Слова выглядели чужими, как будто их вывел кто-то другой. Но это был он. Его почерк, его ручка, его мысли — впервые за долгое время извлечённые наружу и положенные на бумагу.

Марк закрыл блокнот и убрал в ящик стола. Он не знал, будет ли писать ещё. Но что-то в этом действии — медленном, тактильном, нецифровом — показалось ему правильным. Как будто он на секунду прикоснулся к той самой тишине, которая почудилась ему после лаборатории.

Выходные прошли необычно.

В субботу утром Марк поехал к Тиму. Не позвонил заранее — просто сел в машину и отправился в Чикаго. Тринадцать часов за рулём, ночёвка в придорожном мотеле, и в воскресенье утром он уже стоял у двери Лориного дома, чувствуя себя незванным гостем.

Дверь открыла Лора. Увидев Марка, она сначала удивилась, потом нахмурилась, потом, что-то решив про себя, посторонилась, пропуская его внутрь.

— Ты мог бы предупредить.

— Знаю. Извини.

Тим сидел в гостиной перед телевизором — смотрел какой-то мультфильм про роботов. Увидев отца, мальчик расплылся в улыбке, бросил пульт и побежал навстречу. Марк подхватил его на руки и почувствовал, как в груди что-то отпускает. Не до конца — но хотя бы немного.

Они провели вместе весь день. Гуляли в парке, кормили уток, ели мороженое, несмотря на холодную погоду. Тим рассказывал про школу, про друзей, про новый конструктор, который подарила мама. Марк слушал — не делая вид, а по-настоящему слушал, может быть, впервые за всё время их редких встреч. Вечером, укладывая сына спать, он вдруг сказал:

— Я приеду на следующие выходные. Точно.

Тим посмотрел на него серьёзно, совсем по-взрослому, и ответил:

— Ты всегда так говоришь.

— В этот раз — нет. Обещаю.

Мальчик кивнул и закрыл глаза. Через минуту он уже спал. Марк постоял над его кроватью, глядя на маленькое лицо, такое похожее на его собственное в детстве, и почувствовал, как к горлу подступает ком. Не тот, неопределённый, а вполне конкретный — комок стыда и запоздалой нежности.

Поздно вечером он сел в машину и поехал обратно в Нью-Йорк. Всю дорогу молчал, не включал радио, не подкасты, не музыку. Просто вёл машину и смотрел, как фары выхватывают

из темноты полосы разметки. Где-то на полпути, в районе Кливленда, он понял, что это была лучшая суббота за последние несколько лет. Не потому что случилось что-то особенное, а потому что она была настоящей.

Понедельник начался с новостей.

Не в ленте — в офисе. Компания, на которую работал Марк, объявила о «реструктуризации отдела модерации». Проще говоря — сокращениях. Искусственный интеллект научился справляться с первичной фильтрацией лучше людей, и теперь человеческий фактор требовался только для самых сложных случаев. Половину команды переводили в другие отделы, половину увольняли.

Марк попал во вторую половину.

Новость пришла в виде короткого письма от начальника: «Уважаемый Марк, в связи с оптимизацией процессов ваша должность упраздняется. Выходное пособие составит три месячных оклада. Благодарим за сотрудничество». Три строчки. Десять лет работы — три строчки.

Он сидел перед экраном и не чувствовал ничего. Ни гнева, ни обиды, ни страха. Только пустоту. Ту самую, которая копилась годами и наконец заполнила всё до краёв.

Телефон пискнул. Сообщение от доктора Штерн: «Господин Ветров, вы приняли решение насчёт повторного сеанса? Квантовый след затухает. Время на исходе».

Марк посмотрел на сообщение, потом на письмо об увольнении, потом на блокнот, который так и лежал в ящике стола. Три вещи, не связанные между собой, но почему-то сложившиеся в одну картину. У него больше не было работы. У него больше не было планов на будущее. У него не было ничего, кроме странного провала в памяти и ощущения, что где-то там, в этом провале, скрыто что-то важное.

Он взял телефон и набрал ответ: «Согласен. Когда?»

Ответ пришёл мгновенно: «Завтра. Девять утра».

Во вторник Марк снова стоял перед стеклянным зданием «Хроноса». На этот раз без колебаний, без ожидания в очереди, без бумажного журнала в зоне ожидания. Доктор Штерн встретила его лично и проводила в знакомый зал с круглой комнатой, креслом и матовой полусферой.

— Мы скорректировали параметры, — сказала она, закрепляя датчики на его висках. — На этот раз реконструкция будет более стабильной. Если повезёт, воспоминания вернуться.

— А если не повезёт?

— Тогда мы узнаем что-то новое о квантовой механике. — Она чуть улыбнулась. — Готовы?

— Готов.

Полусфера засветилась. Воздух сгустился. В ушах зазвенело. А потом мир исчез — и на этот раз Марк успел заметить, как тьма сменяется светом, а свет — лесом.

Огромным, зелёным, пахнущим прелью лесом, которого не могло быть в Древнем Риме. Он упал лицом в мох и понял: в прошлый раз всё было точно так же. Просто он забыл.

Глава 3. Приглашение

Мох был настоящим.

Это первое, что пришло Марку в голову, когда он открыл глаза и увидел перед собой зелень — не пиксельную, не нарисованную, не ту, что показывают в рекламе экологически чистых продуктов. Настоящий мох: влажный, пахнущий землёй и чем-то сладким, с крошечными капельками росы на ворсинках. Он лежал лицом в этом мху, чувствовал его запах, его текстуру, его холод — а в следующий миг мир снова схлопнулся в точку света, и Марк проснулся в лабораторном кресле.

Доктор Штерн стояла рядом с планшетом в руке. Её лицо выражало сдержанный профессиональный интерес — тот самый, с которым врачи сообщают пациентам о редком, но не смертельном диагнозе.

— Добро пожаловать обратно, — сказала она. — Как вы себя чувствуете?

Марк сглотнул. Во рту было сухо, как после долгого перелёта. Голова кружилась, а перед глазами всё ещё стояла картинка: мох, лес, серое небо в просветах между ветвями.

— Я видел лес, — произнёс он хрипло. — Не Рим. Вообще не Рим. Какие-то деревья, мох, папоротники. И я лежал на земле.

Доктор Штерн быстро застучала по планшету.

— Продолжайте. Что ещё?

— Ничего. Только эта картинка. Секунда — и всё.

— Но вы помните её? В прошлый раз вы не помнили ничего.

— В прошлый раз, — Марк сел в кресле и потёр виски, — я вообще не был уверен, что сеанс состоялся. А теперь я точно знаю: я там был. В лесу. Только это не Рим.

Доктор Штерн отложила планшет и пристально посмотрела на него. В её цепких глазах читалось нечто новое — не просто профессиональный интерес, а нечто более глубокое, похожее на азарт учёного, который наткнулся на аномалию и хочет её изучить.

— Господин Ветров, — сказала она медленно, — квантовая реконструкция не может отправить вас в другое место. Мы задаём координаты с точностью до субатомного уровня. Если вы заказали Колизей первого века, вы должны были оказаться именно там. Но ваше описание не соответствует ни одной из загруженных в систему локаций.

— И что это значит?

— Это значит, что произошла ошибка. — Она помолчала. — Или что-то иное.

Марк хотел спросить, что именно «иное», но в этот момент в зал вошла медсестра и что-то зашептала доктору на ухо. Штерн кивнула, бросила короткое «Я свяжусь с вами позже» и вышла, оставив Марка в одиночестве.

Он медленно спустил ноги с кресла, посидел минуту, привыкая к ощущению собственного веса. Тело слушалось плохо, как будто он действительно провёл в лесу не один час. Мышцы ныли, в суставах чувствовалась непривычная тяжесть. Марк потянулся за телефоном — экран загорелся, показывая десять утра. Прошёл всего час с момента начала сеанса. Всего час — а он чувствовал себя так, будто пробежал марафон.

На выходе из лаборатории его догнала администратор — та самая девушка с идеальной укладкой. Она протянула Марку конверт.

— Доктор Штерн просила передать. Результаты первого сеанса. И рекомендации.

Марк взял конверт и вышел на улицу. Дождя не было, но небо оставалось серым, низким, как будто город затянуло целлофаном. Он дошёл до ближайшей скамейки, сел и вскрыл конверт. Внутри лежал один лист бумаги — настоящей бумаги, что само по себе было редкостью, — с напечатанным на нём коротким текстом:

«Пациент: Марк Ветров.

Дата: 14 марта 2026.

Процедура: Квантовая реконструкция, сеанс № 1.

Заданная локация: Рим, Колизей, 80 г. н. э.

Фактическая локация: не идентифицирована.

Субъективное время: 11 часов 43 минуты.

Объективное время: 1 час 47 минут.

Примечание: зафиксирована квантовая интерференция неизвестной природы. Сознание пациента не сохранило воспоминаний о сеансе. Рекомендован повторный сеанс с коррективкой параметров».

Ниже, от руки, доктор Штерн приписала: «Марк, то, что с вами произошло, — не сбой. Это что-то другое. Если хотите разобраться, приходите завтра. У меня есть предложение».

Марк перечитал записку дважды. «Не сбой. Что-то другое». Что это могло быть? Он не был физиком, не разбирался в квантовой механике, но интуиция — та самая, которую он годами глушил работой и скроллингом, — подсказывала: доктор Штерн права. Это не сбой. Сбой не оставляет после себя запаха мха.

Он сложил лист обратно в конверт и поехал домой.

Квартира встретила его привычной пустотой. Умный дом включил свет, холодильник услужливо подсветил содержимое, часы на запястье доложили, что уровень стресса «критический», и порекомендовали дыхательные упражнения. Марк проигнорировал всё — прошёл в спальню, упал на кровать и уставился в потолок.

Там, на матовой поверхности, всё ещё светилась утренняя заставка: прогноз погоды, повестка дня, три заголовка. Дождь, встреча с юристом (отменена), скандал в конгрессе. Обычный набор. Но сегодня он смотрел на него иначе — не как на данность, а как на декорацию. Красивую, технологичную, но декорацию. За которой ничего нет.

Он перевёл взгляд на телефон. Десять пропущенных уведомлений: почта, мессенджеры, социальная сеть, новости. Раньше он бы уже скроллил ленту, не в силах выносить тишину. Но сейчас тишина почему-то не пугала. Наоборот — в ней было что-то правильное. Что-то, чего ему не хватало все эти годы.

Марк отложил телефон, закрыл глаза и попытался восстановить в памяти ту секунду леса. Мох. Запах. Холод. Свет, пробивающийся сквозь ветви. И — что-то ещё. Что-то, что он почти ухватил, но не смог удержать. Какое-то движение на периферии зрения. Не то человек, не то зверь. Не то...

Звонок телефона разорвал тишину. Марк вздрогнул, схватил трубку — номер был незнакомый.

— Алло?

— Господин Ветров? Это Алекс, менеджер по персоналу. Мы хотели бы обсудить ваше выходное пособие. Вам удобно подъехать в офис сегодня во второй половине дня?

Увольнение. Он совсем забыл. Вчерашнее письмо, три строчки, десять лет работы — всё это отошло на второй план, вытесненное лесом, мхом и запиской доктора Штерн.

— Да, удобно. В три.

— Отлично. Ждём.

Короткие гудки. Марк положил телефон и вдруг усмехнулся — не весело, а горько. Ещё неделю назад увольнение стало бы катастрофой. Он потерял бы сон, начал бы судорожно обновлять резюме, писать бывшим коллегам, считать деньги на счету. А теперь это казалось почти неважным. Как будто его настоящая жизнь происходила где-то в другом месте, а всё, что было здесь — работа, квартира, увольнение, — лишь бледная тень.

Он встал, открыл ящик стола и достал блокнот. Тот самый, купленный в канцелярском магазине. Ручка легла в пальцы привычно — за годы школы и университета он исписал сотни страниц, прежде чем клавиатура заменила перо. Марк открыл чистый лист и написал:

«Второй сеанс. Лес. Мох. Запах. Это не Рим. Доктор Штерн говорит, что произошло что-то иное. Я не знаю, что именно, но это иное — реально. Реальнее, чем моя работа. Реальнее, чем эта квартира. Может быть, я схожу с ума. А может быть, наоборот — только начинаю приходить в себя».

Он перечитал написанное. Слова опять казались чужими — слишком честными, слишком обнажёнными. Но они были правдой. И эта правда, зафиксированная на бумаге, почему-то приносила облегчение.

В офис Марк приехал без опоздания. Здание компании — стеклянная башня в деловом центре — встретило его привычным гулом кондиционеров, запахом кофе и охранником, который равнодушно кивнул, узнав лицо. Марк поднялся на семнадцатый этаж, прошёл мимо рядов пустых столов (половина команды уже была уволена) и остановился у кабинета Алекса.

Алекс — молодой человек с идеальной стрижкой и заученной улыбкой — уже ждал его с папкой документов. Разговор занял пятнадцать минут. Выходное пособие, медицинская страховка, подпись здесь и здесь. Марк подписывал бумаги, не читая, — так же, как когда-то подписал согласие на первый сеанс «Хроноса».

— Удачи, — сказал Алекс, пожимая ему руку. — Рынок сейчас хороший. Найдёте что-нибудь.

— Спасибо, — ответил Марк, хотя не думал о рынке и не собирался ничего искать.

Он вышел из офиса в последний раз, остановился на крыльце и оглянулся на стеклянную башню. Десять лет. Три строчки. Пустота. Где-то в груди заворчалось что-то похожее на грусть, но не прорвалось наружу — застряло, как ком в горле. Марк развернулся и пошёл к метро.

В вагоне, как всегда, было тесно. Люди смотрели в телефоны, слушали музыку в наушниках, читали новости. Марк стоял, держась за поручень, и разглядывал их лица — одно за другим. Усталые, отсутствующие, погружённые в свои экраны. Он вдруг подумал, что за десять лет поездок в метро ни разу не заговорил с незнакомцем. Не потому что не хотел — просто так было не принято. Все сидели в своих коконах, и он сидел в своём. Миллионы людей, пересекающихся каждый день, и ни одного настоящего контакта.

Телефон пискнул. Сообщение от Лоры: «Тим спрашивает, приедешь ли ты на выходные. Ты обещал».

Марк набрал ответ: «Приеду. Точно». И впервые за долгое время он знал, что не соврёт.

Вечером он снова сел за блокнот. Это становилось привычкой — странной, непривычной, но приятной. Как будто он заново учился говорить — не с другими, а с самим собой. Ручка скрипела по бумаге, оставляя синие строчки:

«Меня уволили. Десять лет — и ничего. Но странное дело: я не чувствую потери. Как будто это не меня уволили, а я сам ушёл. Ушёл из мира, который давно перестал быть моим. Куда? Пока не знаю. Но туда, где мох пахнет землёй, а небо не показывает иконки».

Он отложил ручку и задумался. В словах, которые он писал, было что-то важное — мысль, которую он никак не мог додумать до конца. Мир, который перестал быть его. Когда это случилось? В какой момент он стал чужим собственной жизни?

Может быть, когда умер отец, а восьмилетний Марк остался один на один с книгой про гладиаторов и пустой квартирой, где мать работала на двух работах и приходила домой затемно. Может быть, когда он поступил в колледж и выбрал специальность не по любви, а по принципу «там больше платят». Может быть, когда Лора собрала вещи и сказала: «Ты не здесь, Марк. Ты всегда где-то ещё». Или когда Тим впервые спросил: «Папа, а почему ты не живёшь с нами?» — а он не нашёлся с ответом.

Он не знал точной даты. Но знал, что это случилось давно. Так давно, что он успел забыть, каким был до того, как стал пустым.

Телефон снова пискнул. На этот раз — сообщение от неизвестного номера. Марк открыл его и уставился на экран.

«Возвращайся».

Одно слово. Без подписи, без контекста, без ссылки. Просто — «Возвращайся». Марк перечитал сообщение трижды, потом проверил номер — он не определялся, высвечиваясь как «скрытый». Сердце забило быстрее. Он не верил в мистику, не верил в совпадения, но это сообщение пришло именно в тот момент, когда он думал о том, что потерял себя. Слишком точно. Слишком вовремя.

Он набрал доктора Штерн.

— Алло?

— Доктор, это Марк Ветров. Вы просили прийти завтра. Я приду.

— Хорошо. — Голос Штерн звучал так, будто она ожидала этого звонка. — Но предупреждаю: то, что я предложу, выходит за рамки протокола. Вы должны понимать риски.

— Я понимаю.

— Нет, — сказала она, — не понимаете. Но поймёте. Завтра в девять.

Короткие гудки. Марк положил телефон и долго сидел в темноте, слушая, как гудит климат-контроль.

Утро началось без вибрации — Марк снял часы перед сном и не стал надевать. Он проснулся сам, без напоминаний, просто потому что выспался. За окном впервые за неделю светило солнце — настоящее, яркое, заливавшее комнату золотым светом. Иконка тучи на потолке исчезла, уступив место иконке солнца, но Марк не смотрел на потолок. Он смотрел в окно.

Лаборатория «Хронос» выглядела иначе в солнечном свете — менее стерильной, более дружелюбной. Доктор Штерн встретила его не в зале подготовки, а в своём кабинете — маленькой комнате, заставленной книгами и папками. На столе стоял глобус — настоящий, бумажный, с выцветшими от времени континентами.

— Садитесь, — сказала она, указывая на стул. — Разговор будет долгим.

Марк сел. Штерн обошла стол, взяла в руки глобус и задумчиво покрутила его.

— Что вы знаете о квантовой механике?

— Ничего, — честно ответил Марк.

— Хорошо. Тогда я объясню просто. Представьте, что время — это не линия, а океан. Мы привыкли думать, что движемся по нему в одном направлении, от прошлого к будущему. Но на самом деле океан не течёт — он колеблется. Волны, течения, водовороты. Иногда — очень

редко — в нём возникают аномалии. Места, где время закручивается в узел. Мы называем это квантовой интерференцией.

— И мой сеанс попал в такую аномалию?

— Не попал. — Штерн остановила глобус и посмотрела Марку прямо в глаза. — Ваш сеанс её создал.

В комнате повисла тишина. Марк слышал, как тикают часы на стене — механические, не цифровые, с настоящим маятником.

— Я не понимаю, — сказал он наконец.

— Наша система работает, восстанавливая прошлое по квантовым следам. Каждый объект, каждое событие оставляет отпечаток в ткани реальности. Мы находим этот отпечаток и воссоздаём его. Но в вашем случае что-то пошло иначе. Система не нашла Рим — она нашла что-то другое. Что-то, что не должно было существовать. И это что-то отреагировало на ваш запрос. Откликнулось.

— Как?

— Не знаю. — Штерн развела руками. — Но оно отправило вам приглашение.

Она нажала кнопку на планшете, и на экране появились данные второго сеанса.

— И ещё кое-что, — продолжила Штерн. — После второго сеанса датчики зафиксировали, что на пике активности ваше тело полностью исчезло из кресла. На несколько секунд. Не сознание — физическое тело. Мы не знаем, как это интерпретировать. Поэтому третий сеанс — полностью за рамками протокола. Вы должны понимать: я не могу гарантировать, что вы вернётесь.

— Я понимаю.

— Нет, — сказала она. — Не понимаете. Но поймёте.

Марк вспомнил сообщение на телефоне. Одно слово. «Возвращайся».

— Вы думаете, это связано?

— Уверена. Квантовая аномалия, которую вы создали, ведёт себя не как случайный сбой. Она ведёт себя как разумная. Она хочет, чтобы вы вернулись.

— Зачем?

— Это мы и попробуем выяснить. — Штерн положила глобус на стол и достала из ящика планшет.

— Я предлагаю третий сеанс. Вне протокола, без страховки, без гарантий. Мы настроим систему не на Рим, а на аномалию. Технически наша камера создана для реконструкции прошлого, но аномалия — это не прошлое. Это скорее квантовая запутанность между двумя точками времени. Как радиостанция, которую никто не передаёт, но она существует. Мы попробуем настроиться на неё и понять, куда она ведёт.

— В чём риск?

— В том, что мы не знаем, с чем имеем дело. Аномалия может быть безопасной. А может — нет. Вы можете вернуться с полным набором воспоминаний. А можете не вернуться вовсе. Всё это за гранью нашего понимания.

Марк посмотрел на глобус. Бумажный шар с выцветшими континентами. Когда-то такие стояли в каждой школе, и дети крутили их, выбирая страны для воображаемых путешествий. Теперь он сам стоял на пороге путешествия, которое не мог вообразить.

— Я согласен, — сказал он.

— Подумайте. У вас есть время.

— Я уже подумал. У меня нет работы. У меня нет планов. У меня есть сын, которого я почти не знаю, бывшая жена, которая устала от моих обещаний, и квартира, в которой я не живу, а существую. Если есть шанс понять, что со мной происходит, — я им воспользуюсь.

Штерн кивнула. Её лицо оставалось непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Тогда начнём.

Третий сеанс отличался от предыдущих. Во-первых, в зале подготовки не было медсестры — только доктор Штерн и её планшет. Во-вторых, на Марка надели дополнительные датчики: на грудь, на спину, на шею. В-третьих — и это было самым странным, — перед началом процедуры Штерн попросила его написать записку.

— Кому? — не понял Марк.

— Себе. На случай, если воспоминания снова исчезнут. Оставьте себе подсказку.

Марк взял протянутый листок бумаги и, подумав, написал всего три слова:

«Лес существует. Ищи».

— Хорошо, — сказала Штерн, пряча записку в карман. — Если вернётесь пустым, я отдам её вам. Если нет — она не понадобится.

Марк сел в кресло. Полусфера засветилась, воздух сгустился, в ушах зазвенело. На этот раз он не закрывал глаза — хотел увидеть всё, от начала до конца. И он увидел.

Тьма была не просто отсутствием света. Она была живой, дышащей, наполненной чем-то невидимым. Точка света возникла вдалеке, крошечная, как искра, и начала расти — медленно, неумолимо, затягивая его в себя. Марк чувствовал, как тело исчезает, растворяется, оставляя только сознание — чистое, обнажённое, лишённое оболочки.

А потом свет ударил в глаза, и он упал лицом в мох.

В тот самый мох. С тем же запахом. В том же лесу.

Только на этот раз он не проснулся в лаборатории. Лес остался вокруг — настоящий, огромный, полный звуков. Где-то высоко над головой шумели ветви, перекликались птицы. Под боком хрустел валежник. В лицо дул ветер — холодный, влажный, пахнувший рекой.

Марк приподнялся на локтях и огляделся. Он был один. Никаких признаков цивилизации — ни дорог, ни зданий, ни столбов с проводами. Только лес, небо и тишина — не та искусственная, что бывает в наушниках с шумоподавлением, а живая, наполненная дыханием.

Он поднялся на ноги. Колени дрожали, но стоять получалось. Одежда — та же, в которой он был в лаборатории, — совсем не подходила для леса: лёгкая куртка, джинсы, городские кроссовки. Но холода почему-то не чувствовалось. Может быть, от адреналина. Может быть, от возбуждения.

Марк сделал шаг. Потом ещё один. Под ногами хрустели ветки, шуршала листва. Он шёл наугад, не зная куда, просто чтобы двигаться, просто чтобы почувствовать, что это реально. Что он здесь. Что лес существует.

Через полчаса блужданий между деревьями он вышел к ручью. Вода была прозрачной, ледяной, и он напился из ладоней — осторожно, маленькими глотками, как учил его когда-то отец в редких походах. Потом сел на поваленное дерево и стал ждать.

Чего? Он не знал. Но что-то внутри подсказывало: ждать нужно. Ждать — и слушать.

Прошёл час. Или два. Солнце поднялось выше, тени стали короче, а лес продолжал жить своей жизнью. Марк слушал птиц, наблюдал за белкой, пробежавшей по стволу, вдыхал запахи. И впервые за долгие годы ему не хотелось проверять телефон.

Телефон. Он достал его из кармана — экран был мёртв. Ни сети, ни заряда, ни времени. Просто кусок стекла и металла. Марк посмотрел на него, усмехнулся и положил обратно. Потом достал блокнот — да, он взял его с собой, сам не зная зачем, — и ручку.

«Я здесь. Лес. Ручей. Небо. Это реально. Всё остальное — нет».

Закончив писать, он поднял голову и увидел их.

Четверо. Высокие, в серых одеждах, которые пульсировали в такт дыханию. Они вышли из-за деревьев бесшумно, как тени, и остановились в десяти шагах. У них не было оружия. Не было телефонов. Не было ничего в руках — только спокойные лица и внимательные глаза.

— Ты вернулся, — сказал один из них. Тот самый, с пепельными волосами. — Мы знали, что ты вернёшься.

Марк встал. Сердце билось где-то в горле, но страха не было. Только странное, необъяснимое чувство, что он ждал этого всю жизнь.

— Где я? — спросил он.

— Дома, — ответил человек. — Ты дома.

И в этот момент Марк понял: третий сеанс закончился. Или только начинался. Но он уже не был в лаборатории «Хроноса». Он был там, куда его пригласили. И пути назад, кажется, не было.

Глава 4. Падение

— Дома? — Марк услышал собственный голос будто со стороны. — Что значит — дома? Человек с пепельными волосами не ответил сразу. Он стоял и смотрел — не на Марка, а сквозь него, словно видел там что-то ещё, скрытое от обычного взгляда. Остальные трое замерли позади, такие же неподвижные, такие же спокойные. Лес вокруг них жил своей жизнью — шелестел листвой, пересвистывался птицами, — но в этой точке, где встретились два мира, время как будто замедлилось.

— Ты задаёшь вопросы, на которые нет коротких ответов, — произнёс наконец незнакомец. — Но я попробую. Ты находишься там, где оказываются те, кто выпал из времени. Мы называем это место Долгим Сейчас. А нашу общину — Тихой Водой.

— Выпал из времени, — повторил Марк. Слова звучали бессмысленно, но что-то в них цепляло. — Я не выпадал. Я участвовал в эксперименте. Квантовая реконструкция. Я должен был попасть в Рим.

— Ты попал не в Рим. — В голосе незнакомца не было насмешки, только спокойная констатация. — Ты попал к нам. И это не случайность.

Марк хотел возразить, но осёкся. В конце концов, какая разница, случайность это или нет? Он стоял посреди леса, в неизвестном месте, в неизвестном времени, с четырьмя незнакомцами, которые не были похожи ни на спасателей, ни на сотрудников лаборатории. Возражать было бессмысленно. Оставалось только принять ситуацию — хотя бы временно.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Арно.

— А остальные?

— Узнаешь позже. Сейчас важно другое: ты голоден, замёрз и растерян. Мы отведём тебя в общину. Там ты поешь, согреешься и отдохнёшь. А потом будем думать.

Арно развернулся и пошёл вглубь леса, не дожидаясь ответа. Трое его спутников двинулись следом — так же бесшумно, так же легко, словно не касались земли. Марк постоял секунду, глядя им в спины, и пошёл следом. Выбора не было.

Тропа, по которой они шли, не была похожа на обычную лесную дорожку. Во-первых, она почти не выделялась на фоне остальной земли — ни утоптанной почвы, ни следов колёс, ни мусора. Во-вторых, она вела не прямо, а как-то странно, зигзагами, огибая деревья и валуны, словно подчиняясь невидимому рисунку. Марк попытался понять логику маршрута, но быстро сдался — слишком много незнакомых ориентиров, слишком мало привычных примет.

Лес становился гуще. Деревья здесь были выше и старше — стволы в два обхвата, кроны где-то далеко наверху, почти закрывающие небо. Сквозь листву пробивались косые лучи света, и в них танцевали пылинки. Пахло прелью, грибами и чем-то ещё, неуловимо знакомым — не то хвоей, не то травами. Марк вдруг поймал себя на том, что дышит глубже обычного, и воздух кажется ему не просто воздухом, а чем-то живым, насыщенным.

— Далеко ещё? — спросил он, когда молчание затянулось.

— Ближе, чем было, — ответил Арно, не оборачиваясь.

— Вы всегда так отвечаете?

— Мы отвечаем так, как есть. Расстояние измеряется не шагами, а вниманием. Если ты идёшь и думаешь о том, как далеко тебе ещё идти, путь становится длиннее. Если идёшь и смотришь по сторонам — короче.

Марк хмыкнул. В другой ситуации он бы назвал это пустой философией, но сейчас, посреди бесконечного леса, слова Арно почему-то не казались глупостью. Он попробовал пере-

стать думать о цели и просто смотреть вокруг — на стволы, на мох, на папоротники, на пятна света. Через некоторое время он действительно перестал замечать усталость. Ноги двигались сами, дыхание выровнялось, а мысли, ещё недавно скачущие как испуганные белки, замедлились.

Арно, словно почувствовав перемену, чуть повернул голову и кивнул — не Марку, а скорее своим спутникам. Те ответили молчаливым пониманием.

Через некоторое время — Марк не мог бы сказать точно, через какое, потому что время в этом лесу текло иначе — тропа вывела их к реке. Не к ручью, как раньше, а к настоящей реке, широкой, неторопливой, с тёмной водой, в которой отражались верхушки деревьев. На берегу лежали выбеленные солнцем брёвна, а чуть дальше виднелось нечто вроде причала — грубо сколоченные доски, уходящие в воду.

— Переправа, — сказал Арно. — За рекой — Тихая Вода.

Переправлялись на плоту. Не на лодке — на широком, связанном из брёвен плоту, который Арно и один из его спутников оттолкнули от берега длинными шестами. Плот двигался медленно, почти бесшумно, разрезая тёмную воду. Марк сидел на корточках, вцепившись в край бревна, и смотрел, как приближается противоположный берег.

Там, за деревьями, угадывались очертания построек — не дома в привычном смысле, а скорее купола, вплетённые в ландшафт. Никаких прямых углов, никаких стен из бетона или кирпича. Только плавные линии, покрытые зеленью, словно здания выросли из земли сами собой. Над одним из куполов поднимался дымок — тонкий, почти прозрачный, тающий в вечернем небе.

— Это и есть ваш город? — спросил Марк.

— У нас нет городов, — ответил Арно. — Города — это то, что строят, когда хотят отделиться от земли. Мы строим по-другому. Мы растаем.

Плот мягко ткнулся в берег. Марк спрыгнул на песок и почувствовал, как земля пружинит под ногами — не то мох, не то трава, не то что-то ещё, упругое и тёплое. Он наклонился, потрогал поверхность рукой. Никакого бетона. Никакого асфальта. Живая почва, покрытая чем-то вроде мха, но более плотным.

— Идём, — позвал Арно. — Ора ждёт.

— Кто такая Ора?

— Старейшина. Она говорит с теми, кто упал.

От берега вела дорожка — на этот раз вымощенная плоскими камнями, гладкими, как речная галька. Камни были тёплыми, хотя солнце уже клонилось к закату. Марк шёл по ним и вертел головой, пытаясь охватить взглядом всё сразу.

Община оказалась больше, чем он подумал вначале. Куполов было не меньше двадцати, а между ними — открытые пространства, огороды, сады, какие-то навесы, под которыми работали люди. При виде Марка они не останавливались, не пялились, не перешёптывались. Просто поднимали голову, кивали — то ли ему, то ли Арно, — и возвращались к своим занятиям. Кто-то плёл корзины, кто-то месил глину, кто-то работал с деревом. Никаких машин, никаких экранов, никаких проводов. И при этом — никакой суеты. Люди двигались спокойно, размеренно, как будто у них было всё время мира.

Марк вдруг осознал, что в общине не слышно привычного городского шума. Вообще. Ни гула машин, ни рёва самолётов, ни музыки из соседнего окна, ни обрывков телефонных разговоров. Только ветер, птицы, голоса — и тишина между ними.

— Сколько здесь людей? — спросил он.

— В Тихой Воде — около трёхсот, — ответил Арно. — Но есть и другие общины. Одни больше, другие меньше. Мы не считаем точно.

— Почему?

— Зачем? Триста или триста двадцать — какая разница? Каждый, кто здесь, — не число. Важно, что он есть, а не сколько нас.

Марк хотел возразить, что учёт населения важен для планирования ресурсов, но осёкся. Ресурсы здесь явно планировались иначе. Он видел огороды, на которых росли овощи, видел коз на выпасе, видел пруд с рыбой. Никаких супермаркетов, никаких доставок, никаких серых пакетов. Люди сами производили то, что потребляли.

У одного из куполов — самого большого, с отверстием в крыше, из которого поднимался дымок, — Арно остановился.

— Ора внутри. Иди один. Она не любит, когда приводят за руку.

— А ты?

— Я подожду здесь.

Марк помедлил, потом откинул полог, закрывающий вход, и шагнул внутрь.

Внутри было тепло. Посередине горел очаг — настоящий огонь, не электрический, не газовый, а живой, потрескивающий дровами. Дым уходил в отверстие в крыше, и в воздухе пахло горелым деревом и травами. Вокруг очага лежали подушки и циновки, на одной из которых сидела женщина.

Ора оказалась старше, чем представлял Марк. Ей могло быть и семьдесят, и девяносто — возраст не читался в чертах её лица, такого же гладкого и спокойного, как у Арно. Седые волосы были заплетены в простую косу, глаза — светлые, почти прозрачные — смотрели внимательно, но без тяжести. Она сидела, скрестив ноги, и в руках держала глиняную чашку, от которой поднимался пар.

— Садись, — сказала Ора. Голос у неё оказался низким и тёплым, как звук виолончели. — Ты, должно быть, устал.

Марк сел на циновку напротив. Ноги гудели после долгой ходьбы, в спине ныло, но не так, как после рабочего дня за столом, — эта боль была живой, заслуженной.

— Меня зовут Марк.

— Я знаю. Арно сказал. — Ора отхлебнула из чашки и протянула ему другую, поменьше. — Пей. Это травяной отвар. Помогает с дороги.

Марк взял чашку. Жидкость была горячее, чуть горьковатой, с привкусом мяты и чего-то ещё, незнакомого. Он сделал глоток и почувствовал, как тепло разливается по телу.

— Вы говорите на моём языке, — заметил он вдруг.

— Мы говорим на языке тех, кто приходит. У нас нет своего языка — только общий. Он достался нам от предков, которые пережили Коллапс.

— Коллапс?

— Падение старого мира. Твоего мира. Того, где люди жили в городах и разговаривали с машинами.

Марк чуть не поперхнулся отваром.

— Вы знаете о моём мире?

— Мы помним о нём, — Ора поставила чашку на пол и посмотрела на огонь. — Это часть нашей истории. Часть предостережения. Старый мир был громким, быстрым и пустым. Он съел сам себя, подавился собственным шумом. Те, кто выжил, дали обет: больше никогда. Больше никогда не строить машин, которые заменяют душу. Больше никогда не создавать сетей, которые ловят людей, как рыбу. Больше никогда не путать скорость с жизнью.

— Сколько прошло времени? С тех пор?

— С Коллапса? — Ора задумалась. — Лет двести пятьдесят. Может, чуть больше. Мы не считаем точно.

У Марка перехватило дыхание. Двести пятьдесят лет. Плюс его собственное время. Он попытался сложить цифры, но они не укладывались в голове.

— Какой сейчас год? — спросил он.

— Мы не нумеруем годы. Но если тебе нужно число... по старому календарю, наверное, две тысячи триста сорок первый. Или около того.

Триста пятнадцать лет с момента его исчезновения. Марк откинулся на циновку и закрыл глаза. Триста пятнадцать лет. Тим, Лора, его мать — все, кого он знал, давно умерли. Их дети, внуки, правнуки — всё исчезло, растворилось во времени. Он был один. Совершенно один в мире, которого не понимал.

Ора, словно почувствовав его состояние, коснулась его руки. Пальцы у неё были сухими и тёплыми.

— Не думай об этом сейчас. Время — странная вещь. Иногда триста лет — это миг. Иногда один день — это вечность. Ты здесь, и это главное.

— Но как я вернусь?

— Никто из упавших не возвращался, — сказала Ора спокойно. — По крайней мере, сразу. Твой путь сюда был не случайным. Что-то привело тебя. Может быть, ты ещё не готов уйти.

Марк открыл глаза и уставился в огонь. Пламя танцевало, пожирая дрова, и в его движении было что-то гипнотическое. Он думал о словах доктора Штерн: «Аномалия хочет, чтобы вы вернулись». Он вернулся. Но оказалось, что вернуться — это не значит попасть домой. Это значит — оказаться там, где тебя ждали, даже если ты сам об этом не знал.

— Что со мной будет? — спросил он.

— Ты останешься здесь на время, — ответила Ора. — Будешь жить, работать, учиться. Когда будешь готов, мы поговорим снова. А пока — отдыхай.

— Я не могу просто остаться. У меня есть... — он осёкся. У него больше ничего не было. Ни работы, ни дома, ни семьи. Только прошлое, которое осталось за триста пятнадцать лет отсюда. — У меня ничего нет, — закончил он тихо.

— Вот видишь. — Ора чуть улыбнулась. — Значит, терять нечего. А это хорошее начало.

Марка разместили в небольшом куполе на окраине общины. Внутри было просто: циновка, одеяло из грубой шерсти, глиняный светильник с масляной лампой и маленький очаг, который топился по-чёрному. Никакой мебели, никаких вещей — только необходимое. И тем не менее здесь было уютно. Не так, как в квартире с подогревом пола и умным потолком, а иначе — по-настоящему, как бывает уютно в детстве, когда за окном дождь, а ты сидишь под одеялом с книжкой.

Арно принёс еду — печёный клубень, похожий на тот, что он предлагал при первой встрече, и миску густого супа из каких-то корнеплодов. Марк ел медленно, смакуя каждый кусок, и думал о том, что это первая настоящая еда за долгое время. Не коктейль, не доставка, не концентрат. Настоящая. С вкусом, запахом, текстурой.

Потом он лёг на циновку и долго смотрел в потолок, где плясали тени от масляной лампы. Мысли путались. Триста пятнадцать лет. Другой мир. Люди, которые не знают телефонов и машин. Лес, река, очаг. Всё это было слишком большим, чтобы осознать за один вечер.

Перед тем как провалиться в сон, Марк достал блокнот и написал:

«2341 год. Тихая Вода. Я жив. Остальное — завтра».

Утро началось с пения птиц. Не с вибрации часов, не с иконки на потолке — с живого, многоголосого щебета за стеной купола. Марк открыл глаза, сел на циновку и несколько минут

просто слушал. Птицы пересвистывались, перекликались, заливались трелями — и в этом не было ни капли механического. Жизнь, просто жизнь.

Входной полог откинулся, и в купол заглянула девушка. Та самая, которую Марк видел в лесу во время второго сеанса — тогда она стояла чуть позади Арно и молчала. Теперь она была одна и смотрела на него с тем же спокойным вниманием, что и остальные.

— Проснулся, — констатировала она. — Хорошо. Ора велела показать тебе общину.

— А Арно?

— У него другие дела. Меня зовут Эйла. Я буду твоей сопровождающей.

Эйла. Марк повторил имя про себя. Оно было коротким и мягким, как дуновение ветра. Девушка была высокой, со светлыми волосами, заплетёнными в свободную косу, и серыми глазами, которые смотрели оценивающе, но без враждебности. Одежда на ней — тот же серый пульсирующий материал, что и на остальных, — двигалась вместе с телом, словно вторая кожа.

— Что значит «сопровождающая»? — спросил Марк, вставая.

— Значит, что я буду рядом, пока ты не освоишься. Отвечу на вопросы, покажу, что можно и что нельзя. Помогу, если потребуется.

— А если я что-то сделаю не так?

— Сделаешь. — Эйла чуть приподняла бровь. — Все делают. Главное — не бояться ошибаться. Ошибки учат быстрее, чем правила.

Марк вышел из купола и зажмурился от яркого солнца. День был в разгаре, община бодрствовала. Люди работали — кто в огороде, кто у реки, кто под навесами, — и в их движениях не было суеты, только ритм, похожий на дыхание: вдох — выдох, усилие — отдых. Марк заметил, что никто не пользуется инструментами сложнее мотыги или ножа. Никаких двигателей, никаких механизмов. Только руки, дерево, глина.

— Почему у вас нет машин? — спросил он.

— А зачем?

— Чтобы облегчить работу. Вспахать поле, перевезти груз, построить дом.

— У нас есть руки, — сказала Эйла. — И время. Мы никуда не спешим. А машины... — она помолчала. — Машины были у Старых. Ты знаешь, что с ними стало.

— Коллапс.

— Да. Мы не повторяем их путь.

Она вела Марка через общину, показывая купола, огороды, мастерские. В одной из них пожилой мужчина плёл корзины — так быстро и ловко, что пальцы мелькали, как спицы. В другой — молодая женщина работала с глиной, вытягивая на круге высокий кувшин. Марк заметил, что круг вращается от ножного привода, без электричества. Никаких моторов, только мускулы и навык.

— Этому долго учиться? — спросил он, кивая на кувшин.

— Всю жизнь, — ответила женщина, не поднимая головы. — Но это хорошая жизнь.

Они прошли мимо общего очага, где готовили еду на всех, мимо пруда, где дети плескались в воде под присмотром старухи с морщинистым лицом, мимо купола побольше, который Эйла назвала «Домом Памяти». Марк спросил, что это значит, но Эйла ответила коротко: «Узнаешь позже».

В конце пути они вышли на край общины, к опушке леса. Здесь, в тени деревьев, лежали большие плоские камни, и Эйла села на один из них, приглашая Марка сесть рядом.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Странно.

— Это пройдёт. Все упавшие чувствуют странно.

— Много их было? Упавших?

Эйла покачала головой.

— Ты первый за мою жизнь. Старики говорят, раньше было больше. Во времена сразу после Коллапса люди падали часто — квантовые разрывы ещё не затянулись. Но сейчас — редкость. Ты особенный.

— Не уверен, что хочу быть особенным.

— Этого не выбирают. — Эйла сорвала травинку и задумчиво пожевала её. — Слушай, Марк. Ора сказала, что ты должен пройти Слушание.

— Что это?

— Обряд. Три дня в лесу, один. Без еды, только вода. Ты должен услышать себя.

Марк вспомнил, как в первый день в лесу он паниковал без телефона, без часов, без привычного шума. Три дня — это слишком. Невозможно.

— А если я откажусь?

— Никто тебя не заставит. — Эйла посмотрела ему прямо в глаза. — Но если не пройдёшь Слушание, ты не сможешь понять, зачем ты здесь. И не сможешь вернуться.

— Вернуться? Ора сказала, что никто не возвращался.

— Она сказала «сразу». — Эйла встала и отряхнула одежду. — Но те, кто прошёл Слушание, находили путь. Не все. Но некоторые. Это единственный шанс.

Марк долго молчал, глядя на лес. Где-то там, в глубине, спрятались ответы — или, может быть, новые вопросы. Он не знал, что выберет. Но в одном он был уверен точно: он больше не хотел бежать. Ни от себя, ни от этого мира.

— Я подумаю, — сказал он.

— Думай, — ответила Эйла. — Но не слишком долго. Тишина ждать не будет.

И ушла, оставив Марка одного на опушке, где шелестели деревья и солнце медленно клонилось к западу.

Часть II. Тишина

Глава 5. Уроки земли

Солнце ещё не поднялось над вершинами деревьев, когда полог купола откинулся и на пороге возникла Эйла. Марк спал глубоко, без сновидений, и пробуждение оказалось резким — он вздрогнул, сел на циновке и несколько секунд не мог понять, где находится. Не было ни потолка с иконками, ни вибрации часов, ни привычного гула климат-контроля. Только серый утренний свет, просачивающийся сквозь ткань купола, и лицо девушки, которая смотрела на него с лёгким прищуром.

— Подъём, — сказала она. — Киран ждёт.

— Кто такой Киран? — голос прозвучал хрипло, Марк прокашлялся.

— Узнаешь. Одевайся и выходи. У тебя пять минут.

Эйла исчезла за пологом так же быстро, как появилась. Марк потёр глаза, потянулся до хруста в позвоночнике и с удивлением обнаружил, что мышцы не болят. Он ожидал крепатуры после вчерашнего перехода через лес, но тело почему-то чувствовало себя на удивление бодрым. Может, дело было в воздухе. Может, в травяном отваре, который дала ему Ора перед сном. А может, в том, что он впервые за много лет спал по-настоящему, без экранов и уведомлений.

Одежда, в которой он прибыл, лежала в углу — грязная, мятая, совершенно непригодная для жизни в общине. Рядом кто-то заботливо оставил комплект местной одежды: те самые серые вещи из живого материала, которые носили все вокруг. Марк взял их в руки и ощутил странную текстуру — не ткань, не кожа, а что-то среднее, мягкое и тёплое, слегка пульсирующее под пальцами. Позже ему объяснили, что это культивированный лишайник — его выращивают в тёплых пещерах за рекой. Он живой, дышит и подстраивается под тело: расширяется в жару, сжимается в холод. Он надел штаны и рубаху, ожидая неудобства, но одежда села идеально, словно подстроилась под его тело. Материал дышал, двигался вместе с кожей и почти не ощущался.

Выйдя наружу, Марк зажмурился от яркого утреннего света. Лагерь уже проснулся: у общего очага суетились женщины, готовя завтрак, в огородах копошились люди с мотыгами, от реки доносился детский смех. Воздух пах дымом, травами и чем-то сладким — может быть, цветущими деревьями, которых Марк не знал по имени. Вся община двигалась в едином ритме, и в этом ритме не было места спешке.

Эйла ждала у тропинки, ведущей к дальнему краю поселения. Рядом с ней стоял мужчина — высокий, широкоплечий, с обветренным лицом и руками, похожими на корни деревьев. Ему было, наверное, лет пятьдесят, но возраст угадывался скорее по взгляду — тяжёлому, многое повидавшему, — чем по морщинам. Одет он был в ту же серую одежду, что и остальные, только более грубую, с заплатами на локтях и коленях.

— Это Киран, — представила Эйла. — Он отвечает за поля. Сегодня ты работаешь с ним.

Киран кивнул — коротко, экономно, словно каждое движение требовало от него усилий, — и оглядел Марка с ног до головы. В его взгляде не было враждебности, но не было и приветливости. Чисто профессиональная оценка, как смотрят на инструмент, который неизвестно, сгодится ли для дела.

— Руки покажи, — сказал он низким, глуховатым голосом.

Марк протянул ладони. Киран взял их, перевернул, осмотрел с обеих сторон и хмыкнул.

— Мягкие, как у младенца. Давно работал?

— В каком смысле?

— В прямом. Землю копал? Камни таскал? Деревья сажал?

— Нет. Я работал с информацией.

Киран отпустил его руки и переглянулся с Эйлой. В этом взгляде читалось что-то вроде: «Ну, ты привела, тебе и расхлёбывать». Девушка едва заметно пожала плечами.

— Ничего, — сказал Киран, поворачиваясь к тропинке. — Земля учит быстро. Пошли.

Они двинулись в сторону полей. Марк шёл чуть позади, разглядывая спину Кирана — широкую, мускулистую, с узелками мышц под серой тканью. Этот человек явно провёл всю жизнь в физическом труде. Каждое его движение было точным и экономным, без намёка на лишние усилия. Марк вдруг осознал, что никогда раньше не видел таких людей. В его мире физический труд был либо хобби (фитнес, йога, бег по выходным), либо уделом низкооплачиваемых работников, которых он предпочитал не замечать. Здесь же это было нормой. Единственной нормой.

Поля начинались сразу за последними куполами общины — обширные участки земли, разделённые невысокими насыпями. Что-то уже росло: ряды зелёных побегов, подвязанные к колышкам, кусты с мелкими ягодами, высокие стебли с колосьями. Другая часть земли была только что вспахана и ждала посадки. Инструменты лежали тут же: деревянные мотыги с каменными наконечниками, плетёные корзины для сорняков, глиняные кувшины с водой.

— Сегодня сажаем клубни, — сказал Киран, подходя к корзине с посадочным материалом. Клубни были похожи на картофель, но более вытянутые, с фиолетовыми прожилками. — Бери мотыгу. Показываю один раз.

Он взял мотыгу, сделал неглубокую лунку, бросил в неё клубень, присыпал землёй и прихлопнул ладонью. Движения были быстрыми, точными, без малейшего колебания. Затем он протянул мотыгу Марку.

— Дальше сам. До обеда — три ряда.

Марк посмотрел на поле. Три ряда — это было не меньше сотни лунок. В его прежней жизни он не сделал бы и десятка, сославшись на занятость или заказав автоматическую сажалку. Но здесь автоматических сажалок не было. Здесь были только он, мотыга и земля.

Он взял мотыгу. Рукоятка оказалась тяжёлой, непривычной, дерево было грубо отшлифовано и пахло чем-то терпким. Марк ударил мотыгой по земле, попытался сделать лунку — и промахнулся. Мотыга скользнула по поверхности, едва оцарапав почву. Он ударил ещё раз, уже сильнее. Лунка получилась кривой, слишком глубокой с одного края и слишком мелкой с другого. Марк бросил в неё клубень, засыпал, прихлопнул. Одна. Ещё девяносто девять.

Киран стоял неподалёку, скрестив руки на груди, и молча наблюдал. Он не комментировал, не поправлял, не давал советов. Просто смотрел, как Марк мучается с мотыгой, и в его молчании было что-то почти философское. Как будто он наблюдал не за человеком, а за процессом — как прорастает семя или как ветер гнёт дерево. Медленно, неотвратимо, по своим законам.

Через двадцать минут Марк взмок. Рубаха прилипла к спине, пот заливал глаза, ладони начали гореть. Он остановился, перевёл дыхание и посмотрел на свою работу. Пять лунок. Все — кривые, разной глубины, хаотично разбросанные по ряду. Он вдруг осознал, что это, наверное, худшая посадка клубней в истории этой общины.

— Руки болят? — спросил Киран.

— Нет, — соврал Марк.

— Будут.

Киран подошёл, взял у него мотыгу и показал ещё раз — медленнее, подробнее.

— Не бей. Режь. Земля — не враг, ты не на войне. Представь, что ты открываешь дверь. Мягко, но уверенно.

Мотыга вошла в землю плавно, без усилия. Лунка получилась ровной, аккуратной, словно вылепленной. Киран бросил клубень, засыпал и протянул инструмент обратно.

— Открывай дверь.

Марк попробовал снова. На этот раз он не бил, а именно давил — мягко, но настойчиво, как учил Киран. Мотыга вошла глубже, лунка получилась ровнее. Вторая попытка — ещё лучше. Третья — почти как у Кирана. В груди шевельнулось что-то похожее на гордость. Детское, нелепое чувство — но приятное.

— Так, — сказал Киран. — Теперь работай.

Он отошёл к своему участку и взялся за мотыгу. Марк продолжил. Лунка за лункой, клубень за клубнем. Вскоре он перестал считать, просто погрузился в монотонный ритм: удар, бросок, засыпать, прихлопнуть, шаг вперёд. Мысли замедлились, потеряли остроту. Он не думал о прошлом, не тревожился о будущем. Только здесь и сейчас: земля, мотыга, клубни, солнце, поднимающееся всё выше, и ветер, обдувающий разгорячённое лицо.

Где-то через час он заметил, что поёт. Точнее, не поёт — напевает под нос какой-то мотив, который сам не мог опознать. Мелодия была простой, повторяющейся, подстраивающейся под ритм работы. Марк поймал себя на этом и замолчал, но через пару минут напев вернулся сам собой.

Киран, работавший на соседнем ряду, хмыкнул — на этот раз одобрительно.

— Это хорошо, — сказал он, не поднимая головы. — Когда поёшь, работа идёт быстрее.

— Я не знаю эту песню.

— Теперь знаешь.

В полдень Эйла принесла обед: лепёшки, зелень, воду в глиняном кувшине. Марк опустился на землю, привалившись спиной к насыпи, и только сейчас осознал, насколько он устал. Ныли плечи, горели ладони, в спине что-то тянуло при каждом движении. Но странное дело — усталость была приятной. Не той, что после двенадцати часов перед экраном, когда болит голова и хочется закрыть глаза, а тело при этом остаётся неестественно возбуждённым. Эта усталость была чистой, заслуженной. Она обещала крепкий сон и пробуждение без тяжести.

— Как руки? — спросила Эйла, садясь рядом.

Марк показал ладони. Они покраснели, на внутренней стороне большого пальца надувалась водяная мозоль, но в целом состояние было терпимым.

— Для первого раза неплохо, — оценила Эйла. — Киран говорит, у тебя есть потенциал.

— Киран вообще говорит?

— Иногда. — Она чуть улыбнулась. — Ты ему нравишься, просто он не показывает. Если бы не нравился, он бы уже ушёл на другой участок и оставил тебя одного.

Марк откусил лепёшку. Она была пресной, чуть подгоревшей с краёв, но голод делал её вкуснее любого ресторанного блюда. Он запивал её водой и чувствовал, как силы медленно возвращаются.

— Давно ты здесь живёшь? — спросил он.

— Всю жизнь. Я родилась в Тихой Воде.

— И никогда не была в других местах?

Эйла посмотрела на горизонт, где лесная полоса смыкалась с небом.

— Была. В соседних общинах. Один раз ходила на юг, к Большому Озеру. Но дом — всегда здесь.

— А что там, за лесами? Есть ещё города?

— Городов больше нет. — Эйла сорвала травинку и задумчиво пожевала её. — Есть общины, есть хутора, есть дикие земли. На севере, говорят, до сих пор стоят руины Старых — огромные мёртвые башни из стекла и металла. Но туда никто не ходит. Слишком много шума.

— Шума?

— Остаточного. Машины Старых до сих пор гудят под землёй. Не все, но некоторые. Они ждут, когда кто-нибудь их разбудит.

Марк вспомнил серверные центры, дата-центры, бесконечные ряды процессоров, которые обслуживали интернет его времени. Неужели через триста лет они всё ещё работают? Или что-то другое работает под землёй, питаясь остатками энергии?

— Расскажи мне о Коллапсе, — попросил он. — Что именно случилось?

Эйла отложила травинку и повернулась к нему. Её серые глаза стали серьёзными.

— Ора расскажет лучше. У неё есть хроники. Я знаю только то, что все знают: Старые построили мир, который был слишком быстрым. Они разучились ждать. Разучились слушать. Их машины стали умнее их самих и начали создавать ложь, которую никто не мог отличить от правды. В конце люди перестали верить друг другу, перестали верить себе. А когда исчезла вера — исчезло и всё остальное.

— Как именно исчезло?

— По-разному. Где-то — войны. Где-то — болезни. Где-то люди просто ложились и умирали, потому что не знали, зачем жить. — Эйла говорила спокойно, без драматизма, но в её голосе звучала старая, глубокая печаль. — Те, кто выжил, были теми, кто жил вдали от сетей. Деревенские, отшельники, малые общины. Они не зависели от машин и потому уцелели.

— А вы? Ваша община?

— Тихая Вода — одна из первых. Её основали через несколько лет после Коллапса. Люди пришли сюда, к реке, и решили начать заново. Без машин, без сетей, без лжи. С тех пор мы здесь.

Марк допил воду и задумался. История, которую рассказывала Эйла, звучала как миф — но он знал, что это не миф. Он сам был родом из того мира, который рухнул. Он был частью его. Система модерации, дипфейки, фальшивые новости — всё это были не симптомы болезни, а сама болезнь. И он, Марк, фильтровал её каждый день, не замечая, как она проникает в него самого.

— Мне нужно пройти Слушание, — сказал он вдруг. — Я согласен.

Эйла внимательно посмотрела на него.

— Это непростое решение. Ты уверен?

— Я не знаю, зачем я здесь. Но если есть шанс понять — я должен им воспользоваться. Терять мне всё равно нечего.

Эйла кивнула и поднялась.

— Тогда работай. К вечеру закончишь — скажем Оре. Она назначит день.

После обеда работа пошла легче. Может, потому что тело привыкло, может, потому что Марк перестал бороться с мотыгой и начал с ней сотрудничать. Лунки выходили ровнее, движения стали плавнее, а напев вернулся — на этот раз осознанно. Марк мурлыкал под нос какой-то блюзовый мотив из прошлой жизни, и ритм блюза удивительно хорошо ложился на ритм посадки.

Киран, работавший неподалёку, поднял голову и прислушался. Потом, неожиданно для самого себя, начал подпевать — низким, рокочущим басом, который шёл откуда-то из глубины грудной клетки. Это была не та мелодия, что напевал Марк, а другая, но странным образом они совпали — две разные песни сплелись в одну, создавая неожиданную гармонию.

Так они и работали до вечера: Марк и Киран, бывший модератор контента и земледelec будущего, напевающие каждый своё, но слышащие друг друга.

Когда солнце начало клониться к закату, Киран остановился и воткнул мотыгу в землю.

— На сегодня хватит. Три ряда — готовы. Ты справился.

Марк выпрямился и оглядел свою работу. Три ровных ряда лунок с посаженными клубнями. Не идеальных, но вполне достойных. Он чувствовал гордость — ту самую, детскую, но от этого не менее настоящую.

— Спасибо, — сказал он. — За науку.

Киран кивнул.

— Завтра продолжим. Будем окучивать то, что посажено. Приходи с рассветом.

— Приду.

Они вернулись в общину, когда небо уже наливалось оранжевым. У общего очага собрались люди — после рабочего дня все сходились сюда, чтобы поесть, поговорить, помолчать вместе. Марк получил миску супа, кусок лепёшки и кружку травяного отвара. Он сел на бревно у костра и начал есть, чувствуя, как каждый кусок ложится в желудок тёплой тяжестью.

Вокруг него текла неспешная жизнь общины. Люди разговаривали — негромко, но живо. Кто-то рассказывал о дневной работе, кто-то делился новостями из соседних поселений, кто-то просто сидел и смотрел в огонь. Дети, набегавшись за день, клевали носами, привалившись к плечам родителей. Старуха, которую Марк видел вчера у пруда, пряла пряжу, и веретено мелькало в её пальцах, как живое.

Эйла села рядом и протянула ему тряпицу, смоченную в каком-то пахучем настое.

— Обмотай ладони на ночь, — сказала она. — Завтра будет легче.

Марк взял тряпицу и начал обматывать руки. Настой охлаждал кожу, и мозоли почти перестали болеть.

— Ты привык брать, — сказала Эйла, глядя в огонь. — Там, откуда ты пришёл, все привыкли брать. Информацию, вещи, внимание. Здесь нужно отдавать. Начни с земли — она примет всё.

— Что значит «примет всё»?

— Земля не судит. Ты можешь быть злым, уставшим, растерянным. Ей всё равно. Она просто принимает твой труд и возвращает урожай. Это честно.

Марк задумался. Он никогда не думал о земле как о чём-то, что может принимать. В его мире земля была ресурсом, из которого извлекали прибыль. Здесь она была партнёром. Молчаливым, терпеливым, но партнёром.

— А если я не умею отдавать? — спросил он.

— Умеешь, — ответила Эйла. — Просто забыл. Все люди умеют, просто Старые разучились. Ты вспомнишь.

Она встала, попрощалась кивком и ушла к своему куполу. Марк остался у костра, глядя, как языки пламени лизут потемневшие от сажи камни очага. Вокруг него люди постепенно расходились — день кончился, пора было спать. Последними ушли дети, которых матери уносили на руках, сонных и размякших.

Марк остался один.

Он сидел и слушал, как трещат дрова, как стрекочут ночные насекомые, как где-то вдалеке кричит птица. Тишина — та самая, которой он боялся, — обнимала его со всех сторон, но больше не пугала. Она была не пустотой. Она была чем-то другим. Местом, где можно просто быть.

Перед сном он достал блокнот и написал:

«Первый день работы. Посадил три ряда клубней. Руки стёрты, спина болит, но я жив. Эйла говорит: начни с земли — она примет всё. Завтра попробую».

Он закрыл блокнот, задул масляную лампу и лёг на циновку. Сон пришёл мгновенно — глубокий, чёрный, без сновидений. Такой, какого он не знал уже много лет.

Глава 6. Язык без слов

Прошла неделя.

Марк перестал считать дни на третий или четвёртый — он не помнил точно, потому что в Тихой Воде никто не вёл календарей. Время здесь измерялось не числами, а ритмами: рассветами и закатами, фазами луны, периодами дождей и сухости, циклами посадок и сбора урожая. Поначалу отсутствие часов и уведомлений сводило его с ума. Он просыпался среди ночи и шарил рукой по циновке в поисках телефона, которого не было. Он ловил себя на том, что мысленно проверяет почту, хотя никакой почты больше не существовало. Он вздрагивал от каждого резкого звука, ожидая вибрации браслета.

Но к исходу первой недели что-то изменилось.

Тело привыкло к работе. Мозоли на ладонях затвердели, превратившись в желтоватые наросты, которые уже не болели. Мышцы на плечах и спине налились непривычной силой. Марк больше не просыпался с ощущением разбитости — наоборот, каждое утро он вставал бодрым, готовым к новому дню, и это ощущение было настолько незнакомым, что поначалу даже пугало. Он привык думать о себе как о человеке, который всегда уставший. Оказалось, что он просто никогда не уставал правильно.

Киран, его молчаливый наставник, стал разговаривать чаще. Не много — пара фраз за день, — но эти фразы всегда были по делу. «Сегодня сажаем бобы, они любят влажную почву». «Видишь облака? К вечеру будет дождь, надо укрыть саженцы». «Не дави на мотыгу сверху, дави снизу, от земли». Марк слушал, запоминал, применял. И с каждым днём его работа становилась ровнее, спокойнее, осмысленнее.

Он всё ещё был чужим в этом мире. Но уже не беспомощным.

На восьмой день Эйла пришла к нему после завтрака и сказала:

— Сегодня работаешь со мной.

— А Киран?

— Киран отпускает тебя. Он говорит, ты уже не мешаешь. — В её глазах мелькнула искра, которую Марк уже научился распознавать: так Эйла улыбалась, не раздвигая губ. — Это комплимент, если что.

Они пошли не в поля, а в другую сторону — туда, где за общиной начинался лес. Тропа вилась между деревьями, становясь всё уже и незаметнее, пока не исчезла совсем. Теперь они шли по мягкому ковру из хвои и прошлогодних листьев, огибая валуны и поваленные стволы. Лес здесь был старше и гуще, чем тот, через который Марк шёл в первый день. Ветви смыкались над головой, пропуская только пятна солнечного света, и в этом полумраке было что-то почти храмовое.

— Куда мы идём? — спросил Марк.

— В место, где можно говорить тихо, — ответила Эйла. — Или не говорить совсем.

Через полчаса они вышли к поляне. Небольшой, круглой, словно нарочно созданной для того, чтобы здесь останавливались путники. Посередине лежал плоский камень, нагретый солнцем, а вокруг росли высокие травы с мелкими синими цветами. Воздух пах мёдом и хвоей, и где-то неподалёку журчал ручей. Эйла села на камень, скрестив ноги, и жестом пригласила Марка сесть напротив.

— Сегодня я расскажу тебе о языке без слов, — начала она. — Ты заметил, что мы мало говорим?

— Заметил. — Марк вспомнил свои первые дни в общине: люди почти не разговаривали, но при этом прекрасно понимали друг друга. Он думал, что это просто привычка, но теперь начинал подозревать, что дело в чём-то другом.

— Слова — это только часть общения. Ты это знаешь. Жесты, взгляды, дыхание, поза — всё это говорит громче. Но Старые разучились слышать. Они построили машины, которые передавали слова на огромные расстояния, и решили, что этого достаточно. А когда слова стали главным, всё остальное начало умирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.